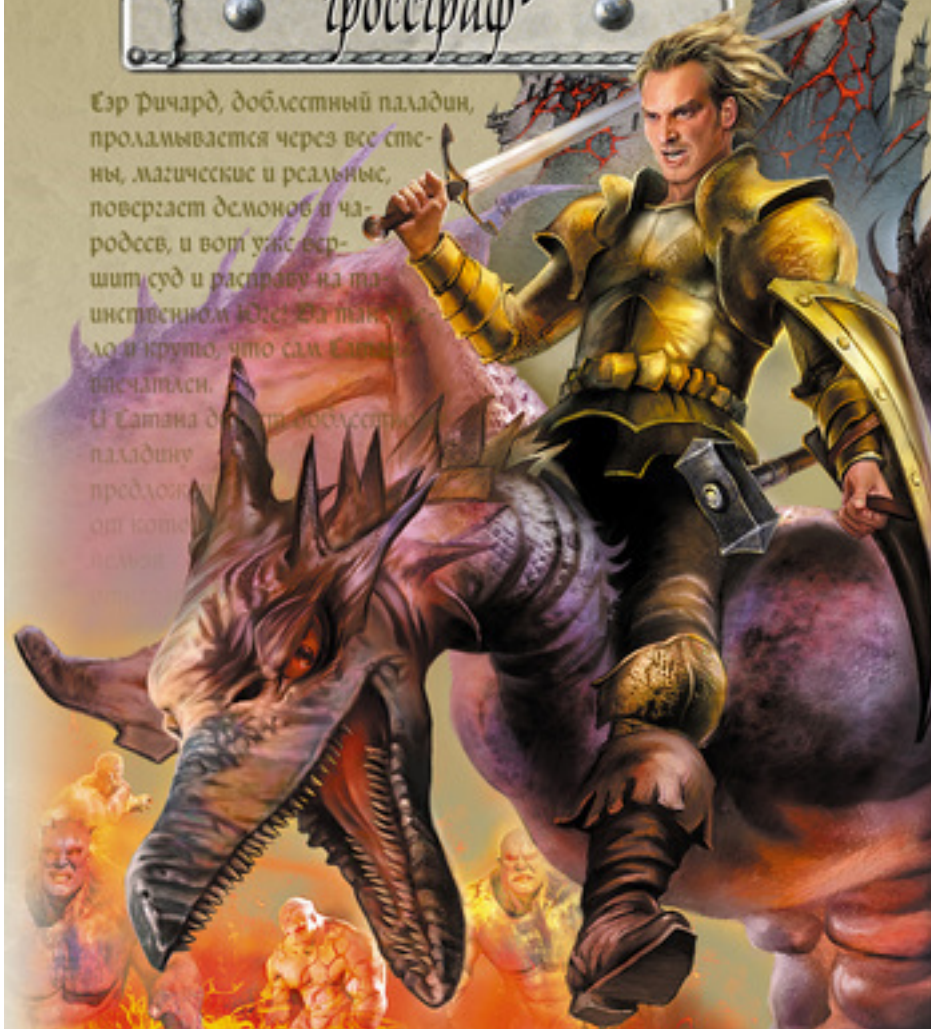

Гай Юлий Орловский

Фич@рд

Длинные Руки — гроссграф

Сэр Ричард, доблестный паладин, проламывается через все стены, магические и реальные, повергает демонов и чародеев, и вот уже вершит суд и расправу на таинственном Юге! Да так круто и круто, что сам Сатана впечатлен. И Сатана даже просит доблестного паладина предложить ему кое-какие условия.

Ричард Длинные Руки

Гай Орловский

Ричард Длинные Руки – гроссграф

«ЭКСМО»

2008

Орловский Г. Ю.

Ричард Длинные Руки – гроссграф / Г. Ю. Орловский —
«Эксмо», 2008 — (Ричард Длинные Руки)

ISBN 978-5-699-27776-6

Сэр Ричард, доблестный паладин, проламывается через все стены, магические и реальные, повергает демонов и чародеев, и вот уже вершит суд и расправу на таинственном Юге! Да так умело и круто, что сам Сатана впечатлен. И Сатана делает доблестному паладину предложение, от которого нельзя отказаться. И еще не было человека, кто бы отказался. Не отказывается и сэр Ричард.

ISBN 978-5-699-27776-6

© Орловский Г. Ю., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	34
Глава 6	40
Глава 7	45
Глава 8	50
Глава 9	57
Глава 10	62
Глава 11	67
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Гай Юлий ОРЛОВСКИЙ

РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ – ГРОССГРАФ

Часть 1

Глава 1

Яркий свет южного солнца прожег толстые шторы, сквозь плотно закрытые веки проник уже красным, но не вечерне-багровым, а ликующе алым, как молодой рубин.

Я закрылся ладонью, стараясь удержать сладкий сон, но сознание напомнило, что я в маркизате, море в полусотне шагов от дома, потому сейчас вот странная смесь пламенности и прохлады, словно струи воздуха сменяют одна другую, не смешиваясь. Солнечные лучи прожигают весь мир и уходят в землю на глубину человеческого роста, слегка смягчаясь только в кронах деревьев, где находят приют как мелкие птицы, так и огромные дивные бабочки, немыслимые на суровом севере.

Все еще с полузакрытыми глазами, я сполз с ложа, зевая и потягиваясь. На соседней подушке вмятина, простыня еще хранит аромат горячего женского тела. Стыдно признаться, но Маргарита всегда встает раньше.

Одевался замедленно, еще во власти сна, в окно веет бодряще-прохладным воздухом необъятного океана. Или это чувствуется присутствие воды с другой стороны дома: первый владелец велел вырыть большой бассейн и прыгал, говорят, со второго этажа спальни... Все хорошо, после возвращения Хендрика с ворохом грамот по маркизату народ третьи сутки поет и пляшет. Жизнь, как говорится, удалась у всех доживших до моего прихода, я прям мессия...

Мой рот раздрается от зевоты, вчера пришлось пить и снова пить чуть ли не до самого утра, устанавливал связь с народом, пусть даже все сплошь графы, бароны и виконты, тело тянется до хруста костей, и вдруг...

...сердце сжалось, будто ощутило над головой занесенную палку. Я в испуге обернулся. В комнате резко и сильно пахнуло горящим металлом. На стенах вспыхнули багровые блики, словно из камина разом вывалилась корзина раскаленных углей.

Жутко зашипело, будто вода на раскаленной плите, через распахнутое окно ворвались два багровых огненных демона. Чуть ниже человека, от обоих пахнуло волной нестерпимого жара.

Оба бросились на меня.

Я в страхе обежал вокруг стола, отдалившись от одного демона и приблизившись к другому. Он прыгнул ко мне, быстрый и легкий, как огонь, хотя когти стучат тяжело и жестко. Я отступил еще, а когда он с торжеством ухватил за плечи, я тоже обхватил его и, закричав от жгучей боли, с силой качнулся назад, ударился спиной о подоконник. Хребет затрещал, демон в последний миг отчаянно забарахтался, но я, скрипя зубами от дикой боли, держал крепко, пока падали и когда ударились о воду.

Брызги взлетели до второго этажа, а мы погрузились на дно. Бурлящая вода пошла пузырьками, я ослеп и только чувствовал, как на поверхность вырвался столб белого пара. Боль резко утихла, это мой трусливый организм борется за выживание, я вынырнул из мгновенно нагретой воды, жадно хватая ртом воздух.

Наверху, в распахнутом окне, зловеще мелькнуло багровым. Демон выглянул, увидел меня, исчез. Я торопливо поплыл к бортику, надо успеть выбраться, зловещий свет мелькнул уже во втором окне. Я поспешно ухватился за скользкий край, подтянулся на дрожащих руках.

Демон исчез, но, едва я поднялся на ноги, он появился уже в окне первого этажа. Я ринулся к двери, понимая, что в комнате обязательно догонит, даже успел прикинуть, когда именно прыгнет на спину и я окажусь в смертельных объятиях.

За спиной простучали шаги, пахло жаром. Не оглядываясь, я ухватился за толстую штору, которую так ненавижу, вверху затрещали, обламываясь, кольца. По резко нахлынувшему жару чувствовал, как огненные руки уже тянутся ко мне, резко повернулся и, широко взмахнув, как тореадор плащом, набросил штору на демона. Он начал барахтаться, я крутанул, заворачивая в плотную ткань, как куколку, прыгнул сверху, сбивая с ног. Мы рухнули, я прижимал штору как можно плотнее, надо перекрыть доступ воздуха, подо мной начало быстро нагреваться, в двух местах пошел дым.

Я стонал от боли, жар не стих, но дымок исчез. Барахтанье подо мной прекратилось, я перестал ощущать под собой даже твердое тело. Сердце колотится, я в изнеможении распластался на полу, чувствуя между мной и плитам пола только плотную ткань шторы.

Послышался неторопливый стук каблучков и шарканье подошв. В зал вошла Маргарита, за нею двое работников. Все трое остановились, созерцая меня в немом изумлении. Маргарита уперла кулаки в бока, словно хохлушка перед запорожцем.

– Маркиз, – выкрикнула она в великом изумлении, – чем вы таким упились с утра?

Я прохрипел, едва ворочая языком:

– Да уж... угощают тут нехило...

Работники подбежали и с великим почтением помогли мне встать. Меня окутали мощные винные пары, обоих пошатывало.

– Маркиз, идти сможете? Или проводить?

Я постоял, ноги все еще дрожат, в горле словно дребезжит жесь.

– Даже не знаю, – выговорил я с трудом, – что за жизнь... Одни радости!

– Да уж, – произнесла Маргарита холодно, – но не все, оказывается, могут устоять под напором этих радостей.

– Не все, – согласился я.

– Блевать не тянет? – участливо осведомился один из работников.

– Тянет, – признался я. – Но потерплю. Идите-идите!

Все трое удалились, Маргарита на выходе оглянулась и обожгла меня взглядом, полным презрения. Я все еще приходил в себя, появились слуги, почистили портьеру и попытались повесить на место, но та вся в паленых дырах, пришлось унести.

Я торопливо огляделся, не видел ли кто, а то драку с демонами могут воспринимать двояко. И что я – герой, за правильным человеком идут, настоящему мужчине вверили свои судьбы, как и то, что мне скоро хана – супротив демонов никому не выстоять, спасайся кто может.

Едва Маргарита скрылась за дверью, я торопливо ухватился за кольцо. Есть демоны, что поднимают целые скалы и бросают их за сотни шагов. Если такой камешек попадет, никакая святость не спасет, никакая регенерация не вернет к жизни лужу, что растечется под этим камешком. Да и вообще я пока уцелевал лишь потому, что маг самонадеянно посылает за мной примитивных демонов... Если бы послал в самом деле крутого и универсального...

Так что без помощи таких же демонов шкуру не спасти.

Я вызвал своего Серфика, он появился над серединой стола вспыхнувшей красной искоркой, крохотные крылышки работают так часто, что похожи на мутный розовый туман.

– Слушаюсь, господин!

Не дожидаясь ответа, привычно прыгнул в пламя свечи, стараясь держаться в ее верхней части. Думаю, теперь ему это просто нравится.

– Серфик, – сказал я серьезно. – Мне нужна твоя помощь. Как ты уже знаешь, меня преследует чародей. Да что там преследует, я уже прижат к стене... Я человек мирный и хотел

избежать драки, но он меня отыскал и здесь. Сегодня явились двое... Спасло то, что знаю чуточку больше, чем местные орлы. Но маг не успокоится. Я не уверен, что смогу справиться со следующим... посланцем.

Он пропищал:

– Что прикажешь, хозяин?

Я вздохнул.

– Ах да, ты же слуга... В смысле – бессловесный исполнитель. Это я, гуманист, нашел, с кем советоваться. Но, Серфик, все равно думай! Если меня прибьют, хреново придется и тебе у нового повелителя джиннов.

Он пискнул в страхе:

– Я ничего не могу сделать! Мы не вмешиваемся в дела людей, если нет прямого приказа!

– Разумно, – сказал я. – А то можно схлопотать от обоих. Но если чародей меня убьет, то заберет и тебя. И тогда не будешь сидеть вот так в огоньке и балдеть, растопырив лапки. Возможно, ему больше понравится отрывать тебе крылышки, затем руки и ноги... А что? Раз уж бесполезен, то хоть помучить...

Он чуть не выпрыгнул из пламени свечи, огонь трепетал и пригибался, словно страшился занесенного над ним кулака. Тоненький голосок пропищал:

– Но я ничего не могу!

– Ты можешь говорить, – напомнил я. – Как со мной, так и с братьями. Они могли бы помочь мне сокрушить злого гада, даже если он Верховный и с ног до головы генералиссимус!

Он пискнул:

– Нет!

– Что нет?

– Это невозможно! Так не бывает.

– Почему? Наши интересы совпадают, – сказал я убеждающе. – Уничтожив власть злого колдуна, а они все злые и несправедливые, если против меня, освободим тех демонов, которых он несправедливо поработил!

– Ты не понимаешь, – пропищал он так тоненько, что я едва услышал.

– Что не понимаю?

– Мы не можем ничего делать, – пискнул он, – по своей воле!.. Это изначально. Мы только выполняем приказы.

Я покачал головой.

– Что-то не врубаюсь. А как же вы там плаваете в плазменном огне, никого не слушая и никому не подчиняясь?

– Там мы ничьи, – объяснил он. – Но и там просто существуем, ничего не делаем. Это прекрасное состояние блаженства. Но когда называют наши имена, мы обязаны повиноваться. Мы просто не можем не повиноваться! Но, к счастью, люди забыли наши имена...

– Да, к счастью, – буркнул я. – Попробуй договориться. Это очень важно.

– Это важно для тебя.

Я возразил:

– И для вас! Ты же сам сказал, чародей нашел старый манускрипт и начинает вас вылавливать по одному? Вот переловит всех, будете прыгать по его команде! Власть развращает... А абсолютная, как там дальше...

Он пискнул торопливо:

– Нас много! А он читает медленно, книга очень трудная... Иногда имя демона находит за месяц, а когда и за год. И вообще, демонов – миллионы.

– Понятно, – сказал я. – Надеетесь, что либо шах умрет, либо ишак... Но когда чем-то долго занимаешься, набиваешь руку. Сейчас по одному демону в год вылавливает, а потом наловчится хватать вас по десятку в неделю. Вот тогда и попляшете!

От волнения он выпрыгнул из огня, но, словно ожегшись на лютном холоде, ринулся обратно. Оттуда донесся отчаянный писк:

– И что ты хочешь?

– Я предлагаю сделку, – сказал я как можно более твердым и солидным голосом. – Взаимовыгодную. Я вообще такой весь из себя взаимовыгодный, куда ни посмотри.

– Что за... сделка?

– Вы помогаете мне сокрушить этого гада, – сказал я. – За это я всех вас отпускаю на свободу. На вечную!

– Как? – спросил он.

– Я уже придумал, – ответил я загадочно. – Это надежно. Это очень деловое предложение. Взаимовыгодное, я же рыночник.

Он в великом волнении взлетал над столешницей и снова плюхался, словно его придавливает немыслимая гравитация.

– Какое? Они не приходят просто так! Только по вызову!

– Предложение очень простое, – сказал я настойчиво. – Демоны больше всего страшатся, что их имена узнают. Это означает полную потерю своей воли и бессловесное рабство. Так?

– Да!

– Но их имена постепенно раскрываются магами, – продолжал я неумолимо. – Это всего лишь вопрос времени... Правда, какие-то имена так и останутся неназванными, не все древние рукописи уцелели даже в перезаписях, но никто из демонов не знает, чья очередь следующим впасть в вечное мучительное рабство. Я не думаю, что плавать в вашем океане плазмы так уж блаженно! Ожидание мучительного рабства страшнее самого рабства.

– Пока все верно, хозяин.

Я продолжал, загибая пальцы:

– Я еще раз обещаю, даже клянусь! Всех демонов, которые придут мне на помощь и помогут сокрушить власть Верховного Мага, который преследует меня, сволочу, отпущу на волю! Более того, сделаю так, что никто и никогда их не сможет поработить больше. С гарантией.

Серфик пропищал отчаянно:

– Хозяин, я верю тебе! Ты добр ко мне. Но другие демоны просто не поверят! Никто!

– Почему?

Он заметался передо мной, как крохотный багровый уголек, крылышки машут так часто, что на их месте только розовый туман, а за самим Серфиком остается быстро тающий красный след.

– Потому что ты – человек! Человеку нельзя верить! Человек никогда не выпустит из рук власть... да еще власть над демонами!

Я закусил губу, он прав, это я сейчас, когда пищу, как жаба под колесом, готов отдать все, но... вон даже декабристы, которые все из себя ах-ах, одно хрестоматийное благородство, ни один не отпустил на свободу своих крепостных. Как же, а кого ж пороть для забавы?

– Ладно, – сказал я, – попытка – не пытка. Попробовать стоит.

– Они не придут!

– Точно?

– Они только по вызову!

– Так давай вызовем.

Он запищал жалобно:

– А как? Вызвать можно только раба. Свободного звать невозможно. Он даже не услышит.

– Гм... А ты вызвать можешь?

– Нет. Вызвать может только хозяин.

Я задумался, но тряхнул головой, каждая потерянная секунда работает против меня.

– Беги обратно. Скажи им, что я хочу и что... обещаю. Неужели не найдется ни одного, который рискнул бы? Ради выигрыша вечной свободы? Из всех миллионов хоть один умный? У людей и то такие попадаются... Как я, к примеру.

Он исчез, я уронил голову на кулаки, голова раскалилась от мыслей. Больше всего демонов ужасает и ввергает в беспредельное отчаяние осознание, что попавшие в рабство уже не возвращаются в свой мир. Любой властелин, будь великий чародей или мелкий колдун, держит их при себе. Чаще всего в виде сторожей, гончих, посыльных, а совсем мелких и слабых использует для забавы.

Обычно крылатых маг сажает на крышу в виде застывших каменных или деревянных украшений. День и ночь следят они за небом и окрестностями вокруг башни властелина, сообщают о приближении незнакомцев, а то и сразу атакуют, если заранее дан такой приказ. Другие превращены в статуи у входа, так годами стоят, скованные заклятием, изнемогают от мук, но не могут шевельнуть и пальцем.

Самые счастливые, хотя это трудно назвать счастьем, кого маг использует для работы. Они крутят тяжелые колеса, тоже изнемая от усилий, другие рыщут по зачарованным лесам, добывая необходимые колдуну элементы. К сожалению или к счастью, демонов нельзя научить находить и собирать вещи Древних, они не отличают их не только от недревних, но даже от упавших сучьев, веток и камней. Но их можно заставить рыть, таскать, рушить, ломать, а также сражаться с людьми или подобными себе демонами. Потому все чародеи большую часть своего времени пытаются раскрыть имена демонов.

Через час Серфик сообщил, что удалось уговорить самого старого демона создать полуокно. Я не успел спросить, что такое полуокно, как одна из стен стала матовой, с той стороны вспыхнул свет.

Меня едва не отбросило к противоположной стене. Голова закружилась, я ухватился за стол, почудилось, что падаю в недра яростного солнца. Ярко-красный кипящий ад, гигантские протуберанцы выстреливаются из бездны и возгоняются прямо к стене, как и выдерживает такой напор...

Я закусил губу, кулаки сжались с такой силой, что ногти врезались в кожу. Никакого напора, сказал себе зло, это проекция. Вон на той же стене висят реальные мечи, кинжалы, а это только экран, просто экран, сеанс двусторонней связи, не больше. Нет этих чудовищ по ту стороны стены, нет...

Из пылающего ада вынырнули ужасающе гротескные фигуры. Некоторые сразу начали принимать те формы, в которых появляются перед земным хозяином, другие остались в таком жутком виде, что я ощутил одновременно тошноту и панический ужас.

Я перевел дыхание и сказал напряженным голосом:

– Ребята, посмотрите на меня во все гляделки, смотрелки, сопелки и прочие штуки! Возможно, вы поймете меня. Я – из другого мира... В смысле, вообще с Севера. У нас там слово держат! Нарушить слово чести – это горше, чем смерть. Это потерять лицо, потерять честь. Потому, когда говорю вам, что всем, кто мне поможет, дам вечную свободу, я говорю правду. Так и будет.

Вдоль стены пронесся сгусток огня, похожий на хвостатую комету, дважды перечеркнул пространство и вдруг застыл, страшный и пылающий.

– Человек... враг, – прошипело из пламени. – Человеку верить нельзя...

– Люди разные, – сказал я с отчаянием, – я же сказал, я – другой!

– Ты... человек...

– Да, но...

– А все люди... лживые...

Из пылающего ада, где еще и свирепствует ужасающей силы ураган, выныривали все новые существа, мелкие и чудовищно огромные, толстые и вытянутые, как бесконечные черви. Многих я просто угадывал по внезапному блеску и вспышкам, наконец понял, что все пространство перед стеной занято телами великого множества демонов.

Я чувствовал, как снова начинает кружиться голова, сердце сжало страхом.

– Да, – крикнул я из последних сил, – да, люди лживые!.. Но в моем королевстве уже поняли, что честность – лучше, чем ложь, еще и потому, что приносит больше прибыли!.. Кто честен – тот теряет по мелочи больше, чем нечестный, но в целом и по большому счету выигрывает гораздо больше. У нас наконец-то поняли, что доверие – самый ценный товар. И потому я знаю, что не обману. И не только потому, что обманывать – нехорошо... но и потому, что обманывать – невыгодно!

Вперед, отодвинув других, выдвинулся массивный демон, больше похожий на каменную гору, шелохнулся, от его тела брызнули синие искры. Когда заговорил, я едва не присел от могучего рева:

– Мне терять нечего... Я знаю, в руинах города Конгрев найдены тайные записи мага Фрэнка Эбигнела, я был у него в услужении триста лет. Рано или поздно в ней прочтут и мое имя... Возможно, уже сейчас читают. Так что я... готов рискнуть.

Я вскрикнул торопливо:

– Мудрое решение!

Красный демон из переливающейся всеми оттенками стали прошипел, словно раскаленный металл в воде:

– Человеку нельзя верить!

– Нельзя, – согласился каменный демон. – Но мне уже все равно. Не он сегодня, так другой маг завтра... А то и сегодня вечером.

– Правильно, – воскликнул я, – но от того уже не вырваться! А я отпущу на свободу, вот увидите.

Красный демон сказал шипяще:

– Хорошо! Отпусти его, и тогда мы... подумаем.

Я возразил:

– Я не могу сражаться с Верховным Магом голыми руками! Мне даже одного-двух демонов мало. У Верховного много демонов в рабстве, со мной должно быть не меньше. Лучше – больше. Если проиграем, то я буду убит, а вы все попадете к нему в вечное рабство!

Красный сказал злобно:

– Мы не попадем. Потому что с тобой никто не пойдет!

Отчаяние захлестывало меня с головой, я сказал упавшим голосом:

– Ребята, вы правы, конечно... Осторожность – великая сила. Но рано или поздно вас переловят. Может, не всех... Сейчас у вас уникальный шанс обрести свободу. Не думаю, что когда-то повторится. Во всяком случае, не скоро. Переловят раньше... Словом, я сказал. Выбираете сами, сейчас пока что свободны в выборе. Но это время скоро кончится.

Усталый и опустошенный, я показал сидящему у меня на плече Серфику, что может прерывать связь, сам отправился в свою комнату и, не раздеваясь, рухнул на ложе.

Надо срочно удирать. Верховный Маг Гессена все еще не врубился, что за мной надо посылать не столько разных демонов, сколько просто одного, но достаточно умелого и сильного. А он полагает, что если, например, у меня есть амулет против каменного демона, то нужно просто прислать водяного. А если и против водяного нашелся амулет, то справится огненный... Ему невдомек, что у человека вообще может не быть амулетов.

Я вскочил, руки дрожат, даже промахнулся, срывая со стены перевязь с мечом. Когда я был уже у двери, перед глазами промелькнула прямая красная линия, словно рубиновый луч лазера.

Серфик завис в воздухе, часто-часто махая крылышками. Сейчас он казался пурпурным угольком из лесного костра.

– Получилось! – пропищал он счастливо.

Я охнул:

– Что? Что получилось? Демоны?

– Получилось! – повторил он. – Они пойдут против твоего врага!

Я настолько ошалел, что даже приступ ликующей радости как-то пропустил, спросил тупо:

– С чего это они... вдруг?

– Это я им рассказал! – похвалился он гордо.

– Что?

– Что ты, господин, сперва повелел сидеть мне в огне, раз мне там удобно, а потом вообще повелел мне не чувствовать холода вашего мира!..

Я удивился:

– И что, это помогло?

Он ответил чутьочку уклончиво:

– Некоторым помогло решиться. До этого спорили... А когда я рассказал, все поняли, что никто из людей так не делал.

Еще бы, мелькнула мысль. Все века человек твердо знал, что все звери – зло, их надо изничтожать, и только в двадцатом веке вдруг появилась эта дикая и крамольная мысль, просто невероятная для нормального человека предыдущих времен: звери тоже наши, их надо беречь, и вообще природу хранить, и даже волков зря не истреблять... Я из этого нового мировоззрения, потому для меня естественно даже демона не мучить без надобности. Но для них это, оказывается, шок. Никому никогда даже в голову не приходило подумать о самих демонах.

– Значит, – спросил я, – мне решили поверить?

Он развел крохотными ручками:

– Не все, конечно. Но некоторым просто некуда деваться.

– А сколько вас там вообще? – спросил я.

– Несколько миллионов.

– Ого! М-да, урожай не густ...

Он сказал обиженно:

– У этих есть причины. Остальные их сочли сумасшедшими.

Я спросил настороженно:

– Какие у них причины?

Он сказал нехотя:

– У них слишком короткие и простые имена. Такие прочитывают раньше других.

– Ага, – сказал я, – это значит, что другие с короткими именами уже попались?

– Да, – ответил он.

– Тогда эти не такие уж они и сумасшедшие.

– Ну да, – ответил он печально. – Тех, у кого имена слишком простые, легко найти простым перебором, а также тех, кто недавно служил магам, теперь убитым, и сумел временно ускользнуть от победителя. Эти знают, что победивший маг их имена обязательно отыщет в книгах побежденного.

– Разумно, – согласился я. – Они практически ничего не теряют. А выиграть могут многое. Они сказали тебе их имена? Давай их сюда! Надо провести смотр войск, вдруг да получится?

Глава 2

Я почти бегом вылетел во двор, на крыльце двое оборванных виконтов азартно играют в кости, у коновязи какой-то сильно поддатый граф подвязывает к морде коня торбу с овсом.

Серфик уселся мне на ухо, как толстый шмель, ухватившись всеми четырьмя лапками.

– Кенкезантер, – подсказал он.

– Кенкезантер, – повторил я властно. – Явись перед твоим господином!

В самом деле, простое имя, как еще не вычислили. Раздался грохот, земля дрогнула, посреди двора возникла массивная каменная глыба. Народ на крыльце и возле коновязи испуганно замер.

Каменная глыба зашевелилась и разогнулась, превратившись в гиганта в три человеческих роста, поперек себя шире, целиком из серого гранита.

Во дворе истерически завопили, народ бросился во все стороны. Я запоздало прокричал:

– Тихо-тихо! Все спокойно. Это мои ребята!

Народ, слыша, но не слушая, разбежался, как мыши. По всему дому и пристройкам звучно начали хлопать двери, загроюкали засовы, слышно, как мужчины хватаются за оружие.

– Эх, – сказал я недовольно. – Не в холмах же мне тайком проводить смотр? Какой же я тогда адмирал?.. Больше на заговорщика буду смахивать.

– Сегадергабестлюкас, – шепнул в ухо Серфик.

– Сегадергабестлюкас! – повторил я величаво. – Предстань перед своим повелителем и господином!

Рядом с каменным гигантом в выжженную солнцем землю ударила жирная клякса, моментально поднялась человеческой фигурой, что ежесекундно меняла вид и форму.

– Ага, – сказал я, – ты в разведку, а тот, что рядом, будет танковать... Ладно, кто там дальше...

Серфик шептал мне на ухо имена, я называл и увидел, что с танкователем поспешил: третий демон оказался из стали и вдвое крупнее каменного голема. Четвертый оказался меньше всех, но за спиной оказались такие крылья, что я сразу спросил:

– А меня поднимешь?

– Да, – ответил демон покорно, – но не смогу сражаться.

– Ага, – сказал я, подумал и махнул рукой: – На месте решим, что удобнее.

Я называл имена, демоны появлялись один за другим. Когда набралось с десятка, из окон трехэтажного дома начали робко выглядывать самые отважные или самые пьяные из челяди, все еще уstraшенной таким жутким парадом.

– Первое, – повелел я громко, – все, кто является по моему вызову, немедленно перестройте себя так, чтобы чувствовать в этом жутком мире людей комфортно! Кому холодно – сделайте так, чтобы не мерзнуть. Кому жарко – чтоб стало прохладно. Кто задыхается от смрада – да поставит фильтры или что-нить, но не страдает от неудобств. Это мое первое повеление!

Они стояли, не сходя с места, но я видел, что одни меняют цвет, у других исчезают одни наросты и появляются другие, третьи вздрагивают всем телом, покрываясь то чешуей, то перьями, то роговыми плитами.

Серфик возбужденно вился вокруг них, буквально лез в пасти и в уши, а когда вернулся ко мне, пропищал возбужденно:

– Все сделано!.. Вы – великий господин!

– Да что великого... – пробурчал я. – Я еще ничего не сделал.

– Как ничего! Вы первое повеление направили на ваших слуг! Чтоб им было лучше! Такого из всех повелителей никто и никогда, это просто непонятно!

Я отмахнулся:

– Да ладно тебе. Я же сказал, у паладинов мозги малость набекрень.

Из дверей дома выглянул капитан Гитард с мечом в руке. Из демонов на него никто не бросился, он чуть приободрился и осторожно приближался ко мне, стараясь держать меня между собой и демонами.

На меня пахнуло винным подвалом, я понял источник безумной отваги неустрашимого капитана.

– Сэр Ричард, – проговорил он дрожащим голосом, – это... ваша армия?

– Какая армия, – ответил я скучно, – малый разведывательный отряд. Армия подойдет позже.

– Великий Самаэль! У вас и силы... Это же целое королевство можно захватить!

– И что с ним делать? – ответил я раздраженно. – Мелкие у вас масштабы, сэр граф! Ладно, оставайся здесь на хозяйстве. Что делать, знаешь. Капитаны Рамиро, Алан и другие – в помощь. Помните, я вас, гадов, и оттуда увижу!... Словом, я вернусь с победой.

Он прошептал потрясенно:

– Еще бы...

Я промолчал, что намерен не королевство завоевывать, это в самом деле просто, а поговорить с Великим Магом на равных. Чтобы он воспринимал меня всерьез. А это труднее, чем завоевать хоть десять королевств.

– Ладно, капитан, – сказал я несколько раздраженно, – у меня тут серьезный смотр сил, а вы с хаханьками! Идите, займитесь делом. Вы меня отвлекаете.

Гитард отдал честь и, хоть и пошатываясь, но бегом, как исполнительный юнга перед строгим капитаном, умчался в дом.

– Серфик, – сказал я, – вопрос по тактике. Как насчет охраны крепости Верховного Мага? Можем подобраться незаметно?

Серфик пропищал:

– Все королевство – владения Верховного Мага. Он может видеть любое место, которое захочет.

Я пробормотал:

– Здесь многовато квадратных миль и даже ярдов, еще больше народу. Неужели в состоянии следить за всеми?

– Он великий маг, – напомнил Серфик пугливо. – Он все может.

– Все может только Бог, – ответил я машинально, – а маг... все-таки только человек. Как и я. И что он делает, когда видит незнакомца?

Он пробормотал:

– Если тот опасен или просто не нужен, убивает. Если не опасен, но у него ценные вещи, убивает тоже.

Я покачал головой.

– Похоже, тайком к его замку не подобраться. Хотя... гм...

– Что ты задумал, господин?

Через полчаса после долгих переговоров я выяснил, что некоторые демоны в состоянии нести мой молот, лук и меч. Правда, я со страхом и нежеланием передал их в эти чудовищные лапы, даже доспехи отдал, после чего ощутил себя совсем голым. Подумав, подозревал Улакеторзабера, ему доверил молот и меч, он тут же сделал шаг вперед, мой неподъемный для любого человека молот и меч в руках.

– Так, – пробормотал я, – будь наготове. Молот не потеряй, прибью. Нет, меч все-таки отдай, ножны у него простые... Авось не обратит внимание. А то не могу без оружия совсем уж...

Еще демоны, к сожалению, не могут форсировать реки, не в состоянии перейти даже ручеек, однако появляются в любом месте, куда вызывает маг.

Я морщил лоб, ломал голову, как обойти это препятствие, демоны стоят неподвижно, даже не дышат, им это и не надо, сейчас это просто послушные машины, а ведь еще Суворов говаривал, что каждый солдат должен знать свой маневр, а из меня еще тот Суворов.

– Вы крепкие ребята, – сказал я бодро и, не услышав «рады стараться, ваше благородие», поинтересовался: – Кто из вас быстрее всех передвигается?

Демоны молча посмотрели на одного приземистого, похожего на стегозавра. Тот молча выступил вперед и отвесил глубокий поклон.

– Прекрасно, – ответил я. – А с грузом?

Он ответил с поклоном:

– Смотря каким.

– Посмотри на меня, – предложил я.

Он посмотрел и сделал шаг назад.

– Понятно, – сказал я. – А кто может показать скоростные качества со мной на горбу? В смысле – на загривке? Можно – на спине?

После паузы выступил тот самый демон, что тогда был с крыльями, но сейчас без них стал крупнее, голое блестящее тело отливает синеватой сталью. С виду не выглядит шустрым, да и тяжеловат, на мой взгляд.

– Трансформер, – сказал я понимающе, – это хорошо. А как бегаешь? Рысью, галопом?..

Демон ответил свистящим голосом:

– И карьером.

– Отлично. Можешь меня на спине?

– Нести? – поинтересовался демон гулким голосом.

Я проглотил раздраженный ответ, ответил после короткой паузы:

– Да. Нести.

– Я предпочитаю, – проговорил он тускло, – летать, с вашего позволения. Правда, не через воду. Да, я смогу вас нести без труда, господин. Но я не боевой демон, господин.

– В смысле?

– Я не смогу сражаться, – напомнил он.

– Но не пацифист, случаем? А если твои собратья будут драться? Ладно, не объясняй, понял. Все отлично. Тогда рванем через холмы. По прямой, как ворона летит. Странно, как будто другие птицы летают зигзагами... Или летают? Ладно, из меня филателист неважный. Или ты рассчитывал на багере? Увы, сам бы не прочь, но туда нам заказано. Впрочем, дорогу я запомнил с птичьего полета... да-да, летал, летал! Так что не заблудимся. Насчет переправ тоже уладим. Откладывать не будем... Так, ребята, вольно! Возвращайтесь в свой мир. Я вызову всех прямо на место, как только прибуду в заданную полководцем точку. Полководец, как понимаете, это я.

Демоны начали исчезать, некоторые бесшумно, другие с вакуумными хлопками. Кто-то взвился в небо огненным столбом, а один провалился в землю, я видел огромную дыру, но через мгновение утоптанная красная земля сомкнулась, как ряска на болоте после упавшего камня.

– А вас, товарищ бегун, – сказал я, – попрошу остаться.

Демон послушно замер, только следил за мной сквозь роговые щели между низкими надбровными дугами и высокими скулами.

Из дома высунулся, придерживая дверь, капитан Гитард, крикнул виновато:

– Маркиз... Простите, что отвлекаю, но меня спросят... что вы собираетесь делать с такой армией?

– Задавать вопросы, – ответил я кротко.

Он вытаращил глаза.

– Не воевать?

– Воевать экономически невыгодно, – сообщил я. – Я просто постараюсь навязать оппоненту несколько иные отношения.

– Это... как?... Ох, простите, сэра Ричард, я пропустил слово «отношения».

Я посмотрел на него с подозрением.

– Не знаю, что вы подумали, а я просто собираюсь вступить с ним в отношения другого порядка... тьфу!.. словом, там разберемся. Ладно, капитан, меня поджигает. Инструкции вы знаете, вернусь – шкуры со всех спущу, кто тормозит переход к рыночным отношениям.

– Рыночным отношениям, – повторил он задумчиво и едва не отпустил дверь от глубокой мыслительной деятельности.

Я сказал злобно:

– Да перестаньте делать акцент на отношения!.. Как у вас мозги повернуты, не понимаю. А еще олигарх! Главное, рынок и равные возможности. Все, капитан, идите, идите, идите!.. Эй, бегун, я уже забыл, каким именем я тебя вызвал!

– Стенапендрагенет, – ответил он послушно.

– Хорошее имя, – одобрил я. – Красивое, звучное. Но длинновато... Я буду звать тебя просто Плантагенетом. Итак, Плантагенет, на тебя седло с моего коня пойдет?

Демон ответил свистящим голосом:

– Как скажете, хозяин.

– Но можно и без него?

– Можно, – ответил демон.

Я вспомнил, что демоны, будучи силой покорены магом, вынуждены выполнять все его приказы, но сами мечтают о свободе и добровольно ничего для мага не сделают. А навредить могут, едва маг допустит оплошку.

– Слушай, парень, – сказал я. – Сейчас мы не хозяин и слуга, а оба плечом к плечу деремся за вашу и нашу свободу! Иско польска не сгынэла и не вмэрла Украина, у нас есть шанс победить! Так что не затевай смуту, а то все припомню, морда!

Он потупился, буркнул:

– Седло не понадобится.

– Проверю, – сказал я с сомнением. Подняв голову, я заорал во всю мочь: – Эй там, на галерке! Срочно отыскать и доставить мне капитана Ордоньеса. Как можно быстрее!..

Я слышал, как в доме забегали, кто-то вопил истерическим голосом, громко кричали женщины, наконец с крыльца сбежал поддатый моряк, упал по дороге, но довольно живо унесся к кораблям.

Я буркнул Плантагенету:

– Свобода наша близка, но мне надо отдать кое-какие распоряжения. Ты пока нырни в свой океан блаженства, я позову.

– Слушаюсь, хозяин!

Он исчез, я пошел в дом, но и там все исчезали по дороге. Через полчаса дверь моих покоев распахнулась от мощного пинка. Вошел огромный Ордоньес, шрамов на лице стало как будто еще больше, хмур и зол, за ним еще двое капитанов, смотрят с вызовом.

Ордоньес прошел на середину комнаты, громко топая, за ним – его орлы, остановился, широко расставив ноги, и вперил в меня требовательный взгляд. Я стиснул челюсти, ну неужели еще есть вопросы, сказал негромко:

– Сегадергабестлюкас, появись перед хозяином.

В комнате полыхнул зловещий свет лесного пожара. Рядом с Ордоньесом появилась массивная глыба раскаленного металла, начала разгибаться, но уперлась массивной головой в потолок.

Я махнул рукой:

– Сиди, а то крышу разворишишь. Я сейчас переговорю с капитаном, потом отдам приказы тебе.

Ордоньес поспешно отскочил, дрожащие пальцы ищут рукоять меча и не находят, глаза вылезают на лоб, а губы стали белыми. Его капитаны застыли, страхась даже дышать, мощь демона подавляет, все трое перед ним куда мельче, чем древесные лягушки перед удавом.

Ордоньес прошептал, переводя испуганный взгляд то на меня, то на демона:

– Сэр Ричард... а оно... оно...

Я махнул рукой.

– Я маркиз или не маркиз?

– Маркиз, – ответил он поспешно. – Властелин всего маркизата! А мы эти, как его... подданные!

– Это хорошо, – сказал я, – а то не подданных он сразу жрет. С косточками. Сырыми! Без соли даже. Такой вот он простой демон, мой верный слуга. Но не обращайтесь внимания, барон. Он рвет на части только тех, кто не признает моей власти. А так он верный и послушный. Скажу, чтобы разрушил все города в маркизате, – разрушит. Скажу, чтобы все корабли затопил, – затопит. Но сам по себе мухи не обидит!.. Вы не отвлекайтесь, барон, не отвлекайтесь. Я вас вызвал по важному делу...

Он попробовал выпрямиться, но глазные яблоки то и дело поворачивались в сторону сидящего на полу демона. В другую комнату послать тоже нельзя – в двери не пройдет, но, к счастью, он не шевелится.

Двое соратников тоже, подобно демону, не дышали и не шевелились, только взглядами уверяли, что вернее подданных, чем они, найти трудно. Даже невозможно.

Ордоньес сказал подрагивающим голосом:

– Я весь внимание, Ваша светлость.

– Ордоньес, – сказал я, – вы отважный моряк, а морю преданы настолько, что даже отказались получать земли на берегу! Это вызывает мое искреннее уважение. Естественно, в виде компенсации вы получите больше власти и возможностей на море. Я имею в виду, вы должны получить часть кораблей тех, кто окончательно решился осесть на суше.

Он слушал со всевозрастающим удивлением, даже на демона перестал оглядываться, спина выпрямилась, плечи раздвинул.

– М-да... сэр Ричард... я в замешательстве... но вы правы, я предан морю... Я счастлив, что вы это ощутили...

– Ощутил, – подтвердил я. – И это очень ценю. Сейчас я хочу поручить вам крайне важное дело. Можно сказать, подвиг!

– Слушаю вас, сэр Ричард!

Я оглядел бледных капитанов, все понимают, но по-прежнему стараются не дышать и не шевелиться, перевел испытующий взгляд на Ордоньеса. Этот держится лучше, а похвала вообще вдохнула в него жизнь.

– Я вас уполномочиваю составить эскадру, – заявил я. – Лучшую эскадру из лучших кораблей!.. И укомплектовать лучшими матросами.

Он вытянулся, глаза загорелись, усы воинственно приподнялись.

– Будет сделано! Кого пойдем грабить?

– Посмотрим, – пообещал я. – Эскадра должна быть в состоянии пересечь океан.

Он охнул.

– Океан?

– Ну да, – ответил я удивленно, – а что, разве это не пустяк для вас?

Он закашлялся, выговорил наконец с трудом:

– Просто я в ту сторону не ходил... Я больше в море...

– А-а-а, – сказал я понимающе, – ну тогда это поправимо. Мне нужно всего лишь, чтобы вы пересекли океан и привели корабли в порт Тартарен... тьфу, Тараскон. Это на той стороне океана.

Он посмотрел настороженно.

– Сэр Ричард, никто из наших туда еще не ходил.

– Будете первым! Разве это не честь?

– Честь, – ответил он осторожно, – если доплыть....

– А если не доплыть, – утешил я, – назовут героем!

– У нас назовут дураком, – сообщил он. – Вы сами это знаете.

– Доплывете, – сказал я. – Вы прирожденный моряк! Морской орел, альбатрос!

Он с каждым словом выпрямлялся и приосанивался, наконец, сказал с сомнением:

– Допустим, доплыву. И что я там делать буду? Это же земли чудовищ... Там водятся драконы!.. Там, говорят, вообще людей нет, одни жуткие монстры!

Я сказал равнодушно:

– А где их нет?.. Не обращайтесь внимания. Главное, я буду ждать там, на берегу.

Он охнул, вытаращил глаза:

– Вы?

– А что, – сказал я, – я такой, благосклонность выкажу подданным. Лично встречу. Маркиз я или не маркиз? В смысле, отец народа?

Он поспешно подтвердил:

– Отец, отец... Но, сэр Ричард... как? Как вы там окажетесь?

Я поинтересовался с непониманием:

– А что мне мешает изволить посетить свои владения? На той стороне океана прямо на берегу прекрасное герцогство Брабант... А в самой удобной для захода кораблей бухте расположен торговый город Тараскон. Я в нем, кстати, бургграф. А вся гавань принадлежит мне на правах личной собственности... Так что я заодно и проверю, как там идут работы по расширению порта.

Его челюсть медленно отвисала.

– Это что же... У вас земли по обе стороны океана?

– Точно.

– Но там же... гм...

– Что?

Он прошептал:

– А как же чудовища?

Я отмахнулся:

– Да ерунда какая. Мы сами еще те чудовища! Самые чудовищные чудища разбегутся. Словом, задание поняли?

– Понял, ваша светлость!

Я перевел взгляд на капитанов. Они вытянулись, стараясь не коситься на неподвижного демона.

– А вы? Вот ты, Алан?

Капитан Алан вздрогнул и вытянулся еще больше, как новобранец перед грозным командиром корабля.

– Я за капитаном Ордоньесом хоть на край света!

– Знаю, – сказал я благожелательно, – ты его всегда поддерживал. Надеюсь, будешь ему опорой. Я скоро отбываю. Возможно, в следующий раз увидимся уже на той стороне океана. Так что не затягивайте! Я буду за вами присматривать... хоть с другого конца света. Готовьте эскадру и отплывайте. Все, свободны!

Они отклонялись и, стараясь не срываться на бег, покинули комнату. Я слышал, как на лестнице часто-часто загремели подошвы их сапог.

– Пора и мне, – сказал я. – Борька... да будет теперь это твоим именем, а то прошлое больно заковыристое, ты возвращайся в свой ад... или рай, неважно. Я позову.

Во двор я вышел с чувством некоторой потери, все-таки это моя земля, мои владения, где я с таким блеском, не побоюсь признаться, провел уникальную операцию по легализации преступно нажитых доходов и превращению жестоких пиратов в могущественных олигархов.

– Плантагенет!

Демон появился незамедлительно, по моему знаку опустился на четвереньки, ставши похожим на ослика. Я осторожно взобрался на спину, чувствуя, что сел на отполированную глыбу металла, на такой скользкой и муха не удержится, но тут же подо мной прогнулось, спереди и сзади приподнялись края, и я ощутил себя всаженным в удобное сиденье, скроенное по моей заднице.

Из боков Плантагенета быстро выдвинулись крылья, ажурная конструкция из трубок с тончайшей пленкой между ними. Он стоял смирно, морда сосредоточенная, а крылья пошли расти вширь и в длину.

Из окон то высовывались, то испуганно прятались головы. Даже неустрашимый капитан Гитард теперь рискнул выглянуть только из окна повыше, трезвеет на глазах, лицо бледное, губы шепчут молитву Самаэлю.

Я спросил демона с беспокойством:

– С разбега или ты с вертикальным взлетом?

– Сейчас с разбега, – прошипел он.

– Не такой уж я и толстый, – сообщил я чуточку виновато. – Просто крупный по природе.

– Я подниму, – ответил он коротко.

– С разбега хорошо, – одобрил я. – Не люблю перегрузки.

Во двор с улицы вбежала запыхавшаяся Маргарита. Копна огненных волос, слегка заколотых на макушке, свободно падает на плечи и спину, лицо взволнованное, в глазах яростный блеск и возмущение.

– Ты что? – закричала она еще на бегу. – Ты что задумал?

– С позволения Вашего Величества, – ответил я с грустной иронией, – мужчина идет заниматься мужским делом.

– Чем-чем?

– Спасать мир, – ответил я гордо и объяснил простым языком: – Это такой эвфемизм, когда спасаешь шкуру. Но историю пишут победители, так что будет спасение мира и человечества!.. Кто бы ни победил, кстати. Не скучай, Марго, я ненадолго. Плантагенет, давай! Судьба мира на кончиках твоих крыльев.

Демон вытянул шею, голова стала похожа на птеродактиль, так аэродинамичнее. Меня затрясло, как на дешевой камнедробилке, демон начал разбег, навстречу понесся морской берег. У самой кромки воды нас рвануло вверх, по бокам звучно захлопало, словно флаги под сильным ветром.

С каждым толчком подбрасывает выше, над теплыми потоками моря демон развернулся в противоположную сторону и пошел в направлении зеленых холмов.

– Я не слишком тяжелый? – крикнул я.

Прошло несколько минут, прежде чем озадаченный демон проскрипел в ответ:

– Нет. Не слишком.

– Как устанешь, – сказал я, – скажи. Устроим небольшой привал. Сверху легко присмотреть удобное местечко.

Он опять помолчал, не понимая, как это в этом мире, где он раб, может делаться что-то для него.

– Господин, – ответил он с трудом после долгой паузы, – вы устанете раньше.

– Ну, смотри, – сказал я.

Встречный ветер начал взрывать и посвистывать в ушах. Почти прозрачные крылья быстро темнеют, уплотняются, укорачиваются, зато бьют по воздуху все чаще и жестче.

Я склонился к предусмотрительно выдвинувшемуся стальному выступу, ветер ревет и свистит, дергая за края одежды, а я чувствовал себя за лобовым стеклом скоростного автомобиля без верха.

Крылья ударяют по воздуху сверху и под углом, создавая тягу и одновременно толкая тело вперед, а поднимаются почти ребром. Подо мной постепенно становится теплее, хотя воздух мощно обдувает эту стальную болванку.

Я прислушивался к нарастающему жару под задницей и гадал, скоро ли станет так же жарко, как на падающем к земле метеорите. Впрочем, у демона свои пределы, разогревается не от трения о воздух, а от собственных мышечных усилий.

Внизу проплывают зеленые холмы, в самом деле чересчур хаотичные, напояющие друг на друга, расколотые трещинами, провалами, то и дело блестят широкие водопады, стремительные ручьи тащат не только камни, но и целые деревья.

Хорошо, подумал я хмуро. По крайней мере, оттуда вторжения можно не ожидать... скоро. Хотя, конечно, мне нужно думать о другом. Я хоть теперь Ричард – собиратель земель, но шкура у меня тонкая, как и раньше.

Спина подо мной резко ушла вниз, невесомость неприятно выпихивает желудок к горлу. Я торопливо огляделся, но по бокам чисто, однако очень далеко впереди в синеве появились три черные точки.

Вглядевшись, я различил быстрые взмахи крыльев.

– Опасность? – спросил я.

Демон ответил через силу:

– Не для меня.

– Ага, – крикнул я, – спасибо! Они что, низко не спускаются?

– Не любят, – ответил он.

– Маневренности недостает?

– Да. Это гарпии.

– Ага, длиннокрылые... ладно, делай, что знаешь. Тебе виднее, птеродактиль ты мой.

Гарпии быстро вырастают в размерах, тоже снижаются, я видел их отвратительные головы с распахнутыми зубатыми пастьми, облезлые крылья и вытянутые вперед мускулистые лапы с длинными и острыми когтями.

Демон спустился еще ниже, теперь под нами в опасной близости мелькают вершинки сосен, иногда он со зловещим шуршанием задевает лапами самые высокие.

Гарпии опасно пошли еще ниже, я сжался, если какая просто столкнется с нами, меня разорвет пополам: задница останется всаженной в седло, а торс унесет ветром.

Демон неожиданно провалился вниз, избегая тарана. Я охнул, справа и слева замелькали зеленые ветви, затем он рывком поднялся, я в страхе оглянулся.

Деревья трясет, трещат и падают сломанные ветви. Не вписавшаяся в разворот гарпия устроила целую просеку в лесу. Обманутых гарпий осталось две, обе круто развернулись и с разъяренными криками разочарования пустились в погоню. На коротких дистанциях они летуны, видимо, лучше моего демона, или виновата его ноша, но гарпии явно настигают.

Плантагенет начал маневрировать, у меня закружилась голова, человек рожден двигаться по плоскости, внутреннее ухо у нас устроено иначе.

Мои руки вцепились в костяные выступы, я крикнул, перекрывая рев ветра:

– Держи меня!.. Мне надо освободить руки!

Демон не ответил, но седло раздвинулось, краями прихватило мне бедра. Я торопливо сдернул с пояса болтеры, гарпии уже на расстоянии десятка метров и догоняют опасно быстро.

– Чтоб вы сдохли, допотопные!

Уклоняясь от нападения, демон резко пошел в сторону и чуть провалился вниз. Желудок мой начал карабкаться вверх по горлу, но металлические захваты держат мои ноги прочнее некуда. Я выпустил несколько болтов, но это не стрелы, которые можно направлять в полете, стальные штыри ушли мимо гарпий, а те с отвратительными криками понеслись вдогонку.

Я с трудом развернулся еще раз, спина затрещала, а в шее звучно щелкнуло. Вывернув руку, я трижды сжал холодный цилиндр болтера. Все три болта прошли одну гарпию насквозь, я видел, как разлетается крупная чешуя и жесткие перья, похожие на чешую.

Вторая гарпия с жутким клекотом почти впилась мне в плечо, но я успел выстрелить дважды. Болты разорвали ей пасть и разнесли голову.

Крылья еще беспорядочно хлопают, вообще-то безмозглые твари, курица с отрубленной головой еще долго по двору бегают, а эти еще и долететь бы могли куда-нить...

Демон не поворачивал головы, но глаза у него, как у вальдшнепа, видит и то, что сзади, потому я не стал бахвалиться, а скромно подул в ствол болтера и еще скромнее прикрепил к поясу.

Глава 3

За холмами потянулись странные горы, что не горы, а исполинские металло-органические конструкции. Они застыли в таком неустойчиво-неправильном виде, словно небесный великан высыпал из ведерка, но разбирать не стал.

Демон идет ниже воздушного коридора багера, я всматривался до боли в глазах в быстро проносящиеся внизу странные пики, слишком правильные пирамиды, безобразные пропасти и сохранившиеся остатки ажурных мостиков.

Потом тянулся лес, пошли зеленые поля, снова леса и отдельные рощи, в стороне блеснула и прошла за спину удивительная пирамида из блестящих металлических слитков.

Я вспомнил о странных небесных кораблях, что ходят на высотах, недоступных для багеров, похлопал демона по тому месту, где должна быть холка.

– Слушай, а на багерах ты бывал?

Он не удивился вопросу, ответил каркающим голосом:

– Нет. Зачем?

– В самом деле, – согласился я. – А на кораблях, что летают еще выше?

– Они не летают, – ответил он.

– А что?

– Их носит, – ответил он.

– А-а-а... Ну да, вообще-то да. Как щепки в реке. Ты мог бы подняться на высоту такого корабля?

Он долго думал, наконец ответил:

– Не знаю. Без груза... может быть.

Сердце мое забило чаще, кровь взбурлила, в мозгу замелькали соблазнительные картинки, но тут же все, как разгорающиеся угольки, с шипением залила холодная, как ведро ледяной воды, мысль: Верховный Маг вот-вот прибьет, как муху, а ты о чем думаешь?

Трижды я видел города, но прошли далеко в стороне. Наверное, пересекли уже не одну границу, демоны их не знают, как и птицы, да и я сверху не вижу разделительных линий.

Когда натыкались на реки, приходилось лететь вдоль берега до ближайшего моста, а там демон осторожно и на небольшой скорости пролетел строго над серединой моста.

Дважды дорогу преграждали мелкие реки, где нет даже мостов. Оба раза я брал демона на спину и, кряхтя, по пояс в воде переносил на тот берег. По-моему, демон так обалдел от такого обращения, что оба раза даже взлетал как-то боком.

Однажды реку встретили слишком широкую, но, к счастью, сразу наткнулись на лодочника. Он хмуро оглядел меня и мою лошадку с головы до ног, назвал цену, я запротестовал, но сторговались быстро, а на том берегу я сразу взобрался на спину своей лошадки, после чего у нее на скаку отросли крылья, и она с натугой прыгнула в воздух.

Прошли над областью, закрытой туманом. У меня трепыхалось тревожно сердце, идем достаточно низко, страшно, неизвестность всегда пугает, наконец впереди показалось зеленое, замелькали деревья, ровные пятна лугов.

Демон летит медленнее багера, но в целом идем быстрее, так как не сбрасываем скорость и не причаливаем к пирамидам, как делают багеры. Я засмотрелся на сменившую зелень темную почву, словно усыпанную слоем угля, ничего не растет, неприятное место, с багера не видел, значит, идем несколько другим курсом, что и понятно: багер менял курс к городам по дороге, а мы идем прямо.

Впереди по курсу земля зашевелилась. Поднялся холм, из вершины выметнулась гигантская рука. Она все росла, поднимаясь к небу, истончилась, зато расширилась ладонь и удлинились пальцы. Я в понятной тревоге крикнул:

– Плантагенет, давай выше!..

Он проскрипел:

– Это йоршир... От него не уйти.

– И что?

– Схватит, – произнес демон хмуро. – Обязательно.

– Зачем же полетел здесь?

– Мой господин так велел.

Я молча выругался, сказал:

– А ты не мог сказать?

– Мог, – ответил он. – Но господин не изволил спрашивать.

Все же он упорно набирал высоту, однако рука выдвигалась из земли быстрее. Когда Плантагенет попытался обойти, она метнулась навстречу. Я сжал болтер и выстреливал болт за болтом. Ладонь вздрагивала, в ней появлялись рваные дыры, но их тут же затягивало серой пленкой.

Хищные пальцы ухватили Плантагенета за голову. Я выдернул меч и ударил. Палец отвалился, рука отдернулась, а снизу донесся жуткий крик. Плантагенет начал было падать, но кое-как восстановил равновесие и часто-часто заработал крыльями. Исполинская рука метнулась снова, на этот раз я нанес широкий удар по ладони и почти развалил ее пополам.

Снизу раздался крик, грохот, земля вздрогнула, и прокатился гул. Плантагенет изо всех сил уходил от смертельной опасности, крылья трещат от частых ударов по воздуху, а я не выпускал меч и бдительно следил за рукой. Она со скоростью ящерицы втягивалась обратно в черный холм.

Руки мои дрожали, едва попал мечом в щель ножен. Демон проскрипел:

– Повелитель, как вы... сумели?

В голосе демона я уловил сильнейшее изумление.

– То ли еще будет, – сказал я, бодрясь. – Увидишь! Разнесем все в хате моего оппонента и перебьем ему всю посуду.

– У Верховного Мага?

– Соображаешь, – ответил я. – Да, придется и ему малость навалить. Но перед сдачей он подпишет капитуляцию. Ладно, я согласен на мирный договор со штрафными санкциями к нарушителю.

Демон, как мне показалось, идет медленнее, крылья бьют по воздуху с усилием, возвращаются не строго вертикально, а слегка «зачерпывая», тем самым тормозя полет.

– Выбирай место для посадки, – велел я. – Тебе надо перевести дыхание, подкрепиться.

Он ответил после паузы:

– Вы желаете, чтобы я... отдохнул?

– А ты хочешь сказать, что не устал? – ответил я вопросом на вопрос.

– Но вы же хотите побыстрее...

– Да, – ответил я, – но я с детства не мог понять, как мушкетеры могут гордиться и даже бахвалиться, что по дороге загнали насмерть десяток лошадей? А сейчас, когда я вдруг гуманист и почему-то за культуру, тем более не понимаю. Я даже мух не убиваю, а ловлю и выбрасываю за окно. Особенно зимой.

Он выпрямил крылья и плавно шел вниз. Зеленая поверхность, что сверху кажется мшистым болотом, раздробилась на мелкие деревья, что все увеличиваются и прорастают деталями.

Просторная поляна, одинокий дуб, вроде бы родничок, демон тяжело опустился на землю и, не удержавшись на лапах, ткнулся мордой в землю.

– Простите, господин, – сказал он виновато.

Я торопливо соскочил на землю.

– Это ты меня прости, – сказал я с раскаянием. – Меньше бы думал только о себе, раньше заметил бы, что летишь из последних сил. Ты чем питаешься? Найдешь себе что? Или тебе надо особое?

Он лег на траву, распластавшись во всю длину и раскинув лапы и крылья. Глаза закрыты, пробормотал:

– Господин, я отдохну быстро. Не обращайтесь на меня внимания. Демонам не подходит ваша грубая пища.

Я лег рядом, забросил ладони за голову.

– Ага, наша пища для вас грубая... А чем вы сами питаетесь, аристократы хреновы?

– Наша пища неуловима, – ответил он тихо, – и неосвязаема. Мы не знаем даже, какая она. Но в нашем огненном океане нас наполняет энергией и здоровьем, а погибшие в вашем мире возрождаются там вновь.

– Радиация какая-нибудь, – пробормотал я опасливо. – Или лучи неизвестной природы... Или все на вай-фаях. Эх, как хочется быть исследователем, чтоб не шкуру спасать, не Арм-ландию обустраивать, не баб из пункта А в пункт Б, как будто им не все равно... Как понимаю женатых! Мне-то хоть не надо еще и на семью зарабатывать.

Некоторое время лежали в тишине и покое, в ветвях сперва зачирикали, а потом и вовсе разорались птицы, в траве застрекотали примолкшие было кузнечики. Один красивый и крупный самец прыгнул мне на грудь и внимательно рассматривал огромными фасеточными глазами вторгшееся на его территорию чудовище.

Длинные сяжки шевелились в нерешительности, то ли оставить все как есть, то ли прогнать нас и еще надавать пинков, чтобы траву не мяли, кузнечих не пугали.

Повеяло холодом. Я повернул голову, в полусотне шагов темная стена леса, деревья неимоверно высокие, а хорошо утоптанная дорога между ними словно бы не тележными колесами укатана...

Я на всякий случай ощупал оружие, всегда чуточку успокаиваюсь, этот привычный жест для меня, что мантра для буддийца, все-таки мы разные.

Демон приоткрыл один глаз.

– Вы что-то почуяли, хозяин?

– Да, – ответил я. – А ты?

– Давно, – ответил он равнодушно.

– Со стороны леса?

– Да, – ответил он коротко.

Обычно мне не страшно в лесу, а чего там бояться, разве что вступишь в говно, но это не совсем тот лес, который я привык видеть в своем срединном королевстве Утопии. Сейчас уже отчетливо слышу мощное сиплое дыхание. Раздается почему-то не просто со стороны леса, а как бы над лесом. Интервал между вздохами такой, что я как воочию представил себе грудь размером с сорокаведерную бочку.

– Кто-то идет к нам, – сказал я и вскочил на ноги. – А я что-то совсем опацифистел...

– Идет, – подтвердил демон. – Но меня он не тронет.

– А мне драться что-то совсем не хочется, – сказал я торопливо.

– Как скажете, хозяин.

– Считаю, что уже сказал!

Он поднялся, на спине появилось углубление для моей задницы. Я торопливо сел, Плантагенет начал разбег, оставив лес за спиной. Сзади раздался жуткий треск ломаемых деревьев.

Могучие стволы на опушке распахнуло, словно стебли травы. И, как из травы выскакивает волк, из леса выметнулось нечто громадное и буристое, размером с деревья.

Плантагенет набирал скорость, чудовище понеслось следом, отдохнувшие лапы демона резко оттолкнулись от земли, мне в спину ударило горячее дыхание, я повернулся и стрелял из двух болтеров в то место, где должна быть морда, хотя там некий вихрь быстро сменяющихся форм.

Некоторое время чудовищная голова была с нами на одном уровне, потом опустилась ниже. Несмотря на мои выстрелы в упор, зверь подпрыгнул, исполинские лапы захватили воздух на том месте, где мы только что были, и тут же повернулся к лесу.

Я перевел дух, сердце чуть не выпрыгивает, крикнул:

– Это что за гад?

– Наверное, мультизавр, – ответил демон, не поворачивая головы. Крылья его работали с отдохнувшей силой. – Я их не видел раньше. Только слышал.

– Как он живет... такой громадный? – спросил я. – Такому даже не прокормиться!

– А он не громадный, – ответил демон. – Это матка с детенышами. Сегодня они с нее слезут. Она сама раз в тридцать меньше. Даже больше, чем в тридцать.

Я помолчал, пытаясь представить себе этого зверя. Получалось то что-то вроде жабы, у той часто на спине сидит целый выводок, то нечто подобное обезьянам, коалам и крысам... Нет, тут что-то еще удивительнее, если в тридцать раз. Уже составной организм, что умеет действовать слаженно, соединяя даже нервную систему воедино...

Потом второе «я» предостерегающе постучало в череп, что хватит юркать в безопасную ерунду, надо о самом важном, то есть как спасти мир, то есть – шкуру. Моя шкура – это и есть весь мир. Великий Маг – это не мелочь вроде мультизавра и так просто не отвязнет и не спрячется в лесу.

Настроение испортилось, я вздохнул и, пригнувшись от ревающего поверх головы ветра, мрачно прикидывал шансы на благополучное примирение с Великим Магом.

Внизу, в пятне зелени, появился и начал увеличиваться яркий красочный город, настолько праздничный и разноцветный, что можно принять за кукольный. Люнебург, столица королевства Гессен, а с другой стороны полянки совсем близко к нему, если вот так со спины крылатого демона...

Кровь застыла в моих жилах: то, что показалось огромной горой, на самом деле исполинская крепость на высоком холме. Укрепления вздымаются рядами, толстая стена за стеной, постепенно сужаясь к вершине, что касается облаков. А искры совсем не искры на скалах камня, как я решил, а свет из окон или даже дверей: теперь понимаю, что не мошकारа там вьется, а что-то вроде сотен тысяч горгулий обосновались на выступах, подобно летучим мышам в пещерах.

Демон быстро шел на посадку, я откинулся назад, крылья растопырились, как паруса, замедляя полет, лапы выдвинулись вперед, готовые принять первый толчок...

После короткой пробежки он остановился, я торопливо спрыгнул, все еще не отрывая устранившегося взгляда от чудовищной крепости.

– Как я ее не заметил, – пробормотал я, – тогда на багере... Правда, это с другой стороны города... И смотрел вперед по ходу... Господи, какая жуть!

– Жилище Великого Властелина, – проговорил демон тихо, в голосе звучал откровенный ужас. – Кто из наших попадает к нему в рабы, тому никто не позавидует... Смерть и то не так мучительна.

Я молчал, язык примерз к гортани. Исполинская крепость на горе в виде четырехугольного гранитного блока, из него по краям вырастают четыре башни разной высоты. Никакой

пропорции, никакой симметрии, но в этом своя страшная и уродливая красота гения, которому осточертели порядок и правильность.

Башни, как и само основание замка, – литой камень, только ближе к вершине в трех видны окна, а четвертая вообще без них, даже крыша – заостренный каменный шпиль. Не понимаю ее назначения... В башнях зачем-то горит свет, все с плоскими крышами, огорожены массивными барьерами, а на четырех концах затейливо вырезанные столбы. Опять же, разной высоты и формы.

Я пытался прикинуть общий объем башни-крепости, не получается, что-то у меня не то с просчитыванием объема, но если считать по окнам и этажам без окон, то не меньше восьми-девяти этажей. А еще множество выступов и гребней непонятного назначения, балконов, опоясывающих лестниц... Это в самом здании, а башни, те просто чудовищно высокие...

В стороне послышался конский топот. Группа блещущих кирасами всадников бодро несет в сторону Гессена по пыльной проселочной дороге. Во главе офицер в расшитом золотом зеленом камзоле, широкополая шляпа с лихо заломленными полями и длинным павлиньим пером, румяное лицо с красиво закрученными усами – красавец, словом.

Он повернул на скаку голову, что-то крикнул своим. Те продолжили путь, с галопа перейдя на рысь, а он пустил коня в нашу сторону.

– Сэр Ричард? – прокричал он изумленно. – Меня зовут Тьерри Макиннон. Виконт де ля Фриг. Как вы здесь оказались? Но это неважно, главное – вы здесь. Сэр Ричард, вам нужно срочно к Его Величеству! Он велел явиться, как вам, так и всем, кто получил пожалования, должности или какие-то задания...

Я спросил отстраненно:

– Своих проблем хватает. А что стряслось? Король Хенрих прищемил пальчик?

Он вскрикнул:

– Вы еще не знаете?

– Я еще утром был в маркизате, – напомнил я.

Он сказал быстро:

– На троне сейчас Ганелон Первый.

– А это кто?

– Младший брат бывшего короля Хенриха!

Я покачал головой.

– Думал, только у меня неприятности. А что с королем Хенрихом? Почему уступил трон человеку, который, как понимаю, не обладает опытом управления?

Офицер на миг опустил глаза, а потом вскинул голову и посмотрел на меня слишком уж прямо и открыто.

– Старший брат Его Величества, – отчеканил он, – король Хенрих, погиб в результате несчастного случая. Трон немедленно унаследовал его брат Ганелон, дабы не допустить волнений в обществе и борьбы за трон.

Я пробормотал:

– Насколько я понимаю, трон должен был занять герцог Людвиг. Ладно, не мое дело. Я еду с вами, сэр Макиннон. Я понимаю, новый король желает услышать доклад об успехах в маркизате...

Он сказал торопливо:

– Да-да, сэр Ричард. Именно так.

Демон уже ждал меня в виде серого невзрачного коня, делая вид, что щиплет траву. Я вскочил в такое же серое седло, мы с офицером догнали его отряд и вместе въехали в распахнутые ворота Гессена.

Народу на улицах много, да, простой люд от смены властей ждет только амнистий и новых праздников, все так же работают рынки, базары, вдоль улицы торговцы расхваливают амулеты.

Ворота в необъятный двор королевского дворца полураспахнуты. По обе стороны закопанные в доспехи воины, на помосте сверху с десятков арбалетчиков угрюмо наблюдают за въезжающими и выезжающими. Там же плащеносец с надвинутым на глаза капюшоном.

Я заметил, что в воротах все замедляют шаг и словно бы сжимаются в страхе, понимая, что арбалеты нацелены в каждого.

Сэр Макиннон вскинул руку, стражи молча ответили таким же коротким жестом.

Во дворе народу поменьше, но роскошные кареты подкатывают к подъезду, лакеи стремглав бросаются навстречу с позолоченными скамеечками.

Я не стал смотреть, что за красавица явилась ко двору, новый король выберет новых фавориток, плечо в плечо с Макинноном поднялись в большой зал.

– Сэр Ричард, – произнес он смущенно, – я оставлю вас на минутку. Нужно доложить Его Величеству, что вы доставлены.

– Топайте, – ответил я беспечно, хотя ухо резнуло это «доставлены», – я пока посмотрю на красивых женщин.

– Я быстро, – сказал он и попросил с неловкостью: – Вы уж, пожалуйста, не отлучайтесь, хорошо?

– Хорошо-хорошо, – заверил я.

Макиннон с облегчением вздохнул и почти бегом ринулся к дверям королевского зала. Чувство тревоги усиливалось, тут как будто бояться, что я сбегу, но...

Я не успел додумать, из толпы женщин отделилась самая роскошная и быстро пошла ко мне.

– Ах, маркиз! Вы так неожиданно исчезли... Говорят, отправились в этот ужасный маркизат, но я в такие дикие слухи не верю!

– Ах, леди Габриэлла, – сказал я легко, – прикройте грудь – и вам теплее будет, и я дрожать перестану.

Она спросила с интересом:

– А вы дрожите?

– Меня трясет, – ответил я.

– Ах, какой вы страстный!

– Да уж, – пробормотал я. – Одна, но пламенная страсть – на бабу голую упасть.

Она захохотала, призывно закидывая голову и открывая белоснежную шею, что почти сразу переходит в два нежно колышущих полушария.

– Как вы остроумно откровенны, маркиз! Вы правы, искра страсти и бревно зажжет в постели! Я ни на кого не намекаю, как вы понимаете...

– Понимаю, – сказал я, – я понимаю... Но что с меня взять? Провинция, деревенщина.

Она примирительно улыбнулась.

– Если дурак прилично одет, всегда сыт и улыбается жизни, то не так уж он и глуп. Так что, маркиз, не отчаивайтесь! Вами интересуются многие дамы. А что подшучивают... так вы сами, признайтесь, очень хорошая мишень. Я имею в виду, крупная. В мелкие попадать труднее.

К нам приблизился щеголеватый придворный, начиная отвешивать поклоны еще издали. Я узнал графа Гарроса. Он распудился не на шутку, целый самый сложный танец, явно меня ждет неприятность, не к добру такие танцы.

– Вы прекрасный танцор, – похвалил я. – Над вами прекрасный хирург поработал!.. Ничего лишнего, это же надо. Смотрю и любуюсь. Вы петь не пробовали? У вас теперь должен быть прекрасный голос.

Он заулыбался, очень довольный.

– Я сам подумываю об этом. Работа придворного очень деликатная и сложная, но я чувствую в себе еще нереализованные силы...

Баронесса перебила его свистящим шепотом:

– Граф, никак там граф Бэкдорф появился?

Граф Гаррос кивнул с несколько напряженной миной.

– Да... он...

– Как здорово, – прошептала баронесса томно. – Я обязательно должна с ним познакомиться...

В ее голосе было столько истомы, что я спросил невольно:

– А это кто?

Граф Гаррос поморщился, а баронесса сказала восторженно:

– Маркиз, вы бесподобны, если не знаете этого великого героя! Он оваян великой славой покорителя женских сердец, неутомимого обольстителя, совратителя даже самых стойких замужних дам.

Граф Бэкдорф, насколько я мог рассмотреть с этого расстояния, мужчина с хорошей атлетической фигурой, сильным волевым лицом и живыми блестящими страстью глазами. Выдвинутый вперед подбородок и высокие скулы говорят о силе характера, я подумал, вот что делает ничемная жизнь, когда у людей есть и ум, и силы, и воля, и энергия, но воевать нельзя, время ученых тоже не пришло, на эвересты лезть или на дно океана – пока в голову не приходит, вот и ударились в волочение за бабами. А чтоб не слишком стыдно, все-таки чуем, бабник – это позор, придумали целую философию, создали мировоззрение, разработали сложнейший кодекс поведения, ухаживания, ритуальных плясок, цепочек «по достижению цели»...

Мать-мать-мать, пронеслось в черепе злобное. Ну и цели...

Граф Гаррос сказал ревниво:

– За ним не угнаться. Женщины ему даже не сопротивляются.

Я пожал плечами:

– Один из лордов моего королевства сказал, что прелесть любовных утех сильно преувеличена: позы нелепые, удовольствие кратковременное, а расходы просто дикие.

Глава 4

Сквозь толпу придворных протолкался запыхавшийся Макиннон, просиял, увидев меня на прежнем месте.

– Сэр Ричард!.. Уф, как я спешил... Пойдемте. Его Величество изволит принять вас.

– Отлично, – сказал я. – Не будем заставлять его ждать. Тем более что мне тоже надо спешить.

Он примирительно улыбнулся, предпочитая понять мои слова, как шутку.

Придворные расступались, кое-кто даже поклонился мне, но почудилось, что делают это украдкой. В огромном тронном зале, на роскошном кресле с высокой спинкой развалился в неимоверно царственной позе грузный человек с обрюзгшим лицом, холеным и порочным. Перед ним прыгает и кривляется в шутовском колпаке карлик, справа пышно одетый слуга держит на кожаной перчатке сокола, голова птицы накрыта колпачком. С другой стороны еще один слуга держит в угодливой позе поднос с гроздьями винограда, а король, не глядя, лениво отщипывает по ягоде и бросает в рот.

Он сделал вид, что не замечает нас, офицер выпрямился и застыл, я с интересом и без злости рассматривал это явное ничтожество, видно с первого взгляда. За его спиной замерли, почти не дыша, сановники, ни одного знакомого лица не видно, не говоря уже о примелькавшемся бароне Эльрихе.

Наконец один из пышно одетых придворных, наверное, церемониймейстер, вышел вперед и, оттанцевав сложный танец, склонился в низком поклоне перед королем.

– Ваше Величество, доставлен маркиз Ричард Длинные Руки.

Снова меня царапнуло это «доставлен», я молча поклонился. Лицо короля дернулось, наверное, поклон показался недостаточно раболепным.

– Маркиз? – переспросил он неприятным голосом. – Маркиз Черро? И что же, тот маркизат еще не ушел под воду?

За его спиной угодливо захохотали. Шут запрыгал, кривляясь, но не придумал, какую глупость сморозить, я ответил сдержанно:

– Ваше Величество, в маркизате начинает налаживаться жизнь. Пираты постепенно остепениваются. Они хотели бы осесть на землю и жить мирно.

Он вытаращил глаза.

– Что?.. Пираты?.. Я уже дал приказ составить реестр всех воинских сил королевства. Если недостаточно, а их недостаточно, я велю усилить войска, а затем уничтожим всех пиратов!..

Я поклонился снова.

– На все воля Вашего Величества. Но пираты не сражаются на суше.

– И что?

– Нужен флот, – напомнил я. – Не только большой и могучий, но и быстрый. Потому что пираты могут не принять боя. А в море их не отыскать. Тем более в океане.

Он повысил голос:

– Если мой царственный брат не сумел создать сильный флот, то его создам я! И ни один пиратский корабль не укроется от моего королевского гнева!

Придворные вытягивались, как солдаты на смотре. Я ответил мирно:

– Как будет угодно Вашему Величеству.

– Да, – сказал он еще громче, – мне будет угодно!.. Мне также угодно, чтобы вы, сэр Ричард, который отныне никакой не маркиз, остались и не покидали дворец до...

Один из придворных наклонился к его уху и что-то угодливо зашептал. Король недовольно дернул щекой, отмахнулся и продолжил, все больше раздражаясь:

– ...до моего повеления! Я со временем решу, что делать с вами. И как поступить с этим раздражающим клочком никчемной земли.

Я поклонился, развел руками.

– Ваше Величество, но если это никчемный клочок... стоит ли обращать на него внимание? Строить могучий флот, гоняться за пиратами, расходовать денежные и людские ресурсы...

Он вскрикнул:

– Молчать, когда говорит король!

Я поклонился, пробормотал:

– Молчу-молчу. Уж нем, как две рыбы.

Он некоторое время испепелял меня взглядом, затем продолжил все так же гневно, но чуть тише:

– Вас отведут и поселят, потом вам передадут мое повеление.

Я развел руками, не забыв поклониться:

– Осмелюсь заметить, Ваше Величество, я прибыл в Гессен, еще не зная, что вы изволили занять престол вашего старшего брата. Меня привели сюда неотложные дела, крайне неприятные, но срочные... Так что я не могу воспользоваться вашей любезностью, а сперва должен их как-то завершить.

Все слушали, оцепенев от неслыханной дерзости, а король вообще наливался багровым цветом, что под конец моей речи стал вовсе синюшным.

Я закончил как можно миролюбивее, однако он вскочил, топнул, вперил в меня обрекающий взгляд.

– Вы посмели?.. Вы посмели перечить?.. Королю?

Из-за его спины вышли и направились в мою сторону крепкие телохранители, уже примериваясь, как схватить дерзкого, скрутить, сломить.

Я вздохнул, не люблю этого, сказал негромко:

– Кенкезантер, ко мне.

Дворец вздрогнул целиком, от пола до крыши. На стенах закачались картины в массивных рамах. Рядом со мной возникла блестящая металлом глыба размером с небольшой сарай. Под испуганные крики демон поднялся, громадная голова уперлась в потолок. Там затрещало, посыпалась труха.

Красные глаза демона вспыхнули жутким адским огнем, а из пасти гроыхнуло с такой мощностью, что одни свечи погасли, другие вообще выпали из подсвечников.

– Приказывай, хозяин.

– Постой пока рядом, – велел я. – Если что, разнеси эту собачью будку, именуемую почему-то дворцом. И подави всех этих насекомых, что возомнили себя людьми... Итак, Ваше Величество, я не расслышал, что вы изволили. Умоляю, повторите, а то меня будет мучить совесть, что вдруг я не так понял.

Король вжимался в трон, вдруг став мелким и очень бледно-интеллигентным. Придворные прятались за высокой спинкой трона. Кенкезантер повернулся на месте, по залу разносился топот тех, кто еще мог убежать.

Король с огромным усилием выдавил:

– Я под защитой Великого Мага, да будь благословенно его имя...

– Я ему это передам, – пообещал я. – Сейчас я иду как раз к нему, если вы не очень против... а вы вроде бы не очень против? Или против?

Он пролепетал:

– Нет-нет, я не очень против!

– Но все же против, – сказал я задумчиво. – Остаться, что ли... Кенкезантер, располагайся с удобствами, мы остаемся. Можешь кого-нить задавить для интереса.

Король завопил:

– Нет-нет, умоляю, у вас дела, вы должны сперва все закончить... вы же из такой дали ехали!

– Летел, – поправил я. – Не на багере, понятно. Вип-персоны общественным транспортом не пользуются. Не короли какие-нибудь. Хорошо, Ваше Величество, раз уж вы так настаиваете, я сперва закончу свои дела, потом вернусь... Кенкезантер, пока возвращайся и жди вызова.

Он громыхнул с прежней мощью, оставшиеся свечи снесло, будто ударили по ним палицей, половина картин сорвалась со стен и грохнулась на пол:

– Слушаю и повинуюсь, господин!

Полыхнул адский огонь, вызвав новые вопли. Демон исчез, я повернулся к близкому к обмороку королю:

– Я вернусь, Ваше Величество. Я вернусь!

Мне показалось, судя по его лицу, что он понял меня очень хорошо. Я крупно шагнул через быстро пустеющие залы, у самого выхода из дворца меня догнал Макиннот, такой же бледный и трясущийся, как его король.

– Сэр Ричард... Вам ничего не нужно?

Я бросил на него угрюмый взгляд. Испуган, но храбрится, даже старается мужественно улыбаться. Взгляд прямой, лицо без привычной придворной угодливости и лисьей хитрости.

– Рассказывайте, – велел я, – как все это произошло.

– Смена короля?

– Да, конечно.

Он шел рядом, стараясь попасть в ногу, но у меня ноги длиннее, и он торопливо растягивал свой шаг, смешно проваливаясь при попытке приноровиться к моей походке.

– Король Хенрих внезапно занемог, – сообщил он. – Говорят, у него была какая-то застарелая болезнь... К счастью, в столицу как раз прибыл младший брат Его Величества герцог Ганелон, который, во избежание борьбы за трон, тут же и принял на себя королевские обязанности.

Я буркнул:

– И привилегии.

Он взглянул на меня искоса.

– Да-да, а как же иначе?.. Долг монарха.

– Что с герцогом Людвигом?

– В своем городском дворце, – сообщил он быстро. Снова посмотрел на меня искоса и добавил нерешительно: – Под домашним арестом. Но на это у Его Величества наверняка есть причины.

– Веские, – сказал я саркастически.

– Да-да, веские, – согласился он с облегчением. – Я могу вам быть чем-то полезным?

– Подумаю, – ответил я медленно и снова окинул его внимательным взглядом. Не глуп, судя по виду, карьерист, это заметно, но честный карьерист, готов рискнуть и сыграть за две команды, что объяснимо для человека молодого и амбициозного. – Вы не кажетесь человеком пугливым.

Он гордо выпрямился.

– Я не пуглив. У меня восемь дуэлей...

– Отваги понадобится больше, – сообщил я сухо.

Он ответил твердо:

– Располагайте мною, сэр. Я кое-что о вас слышал...

– В каком смысле?

– Спасение короля Хенриха, – напомнил он. – И города Роган и Блейн, которые теперь принадлежат королевству Гессен. О вас говорят много. Возможно, это и раздражает Его Вели-

чество. Кроме того, к вам отбыл мой приятель Рефершельд, а он человек более осторожный и расчетливый, чем я.

Я кивнул:

– Разумно. Хорошо, сэр Макиннон, я принимаю вас на службу. Сейчас велите оседлать коня, мы срочно выезжаем.

Он отдал честь, исчез, а когда я подошел к своему «коню» и взгромоздился в седло, из королевской конюшни выметнулся на красивом скакуне сэр Макиннон.

– Для нас всегда держат коней наготове, – выкрикнул он, – уже оседланных! Куда едем?

– К господину Гатонесу, – ответил я. – Не отставайте, сэр Макиннон.

Мы выметнулись из распахнутых королевских ворот. Копыта простучали по вымощенным и гладко отесанным камням дороги, впереди городские ворота, а дальше распахнулся простор и проступила темнеющая далеко на горизонте черная гора.

Макиннон поравнялся со мной, ветер распушил его лихие усы, в глазах задорный блеск.

– Сэр Ричард, что нам предстоит?

– Встреча с господином Гатонесом, – повторил я. – Может быть, даже с сэром. Хотя не думаю, что он сэр. Все-таки магия не подразумевает благородства.

Я со злорадством поглядывал на его румяное лицо и видел, как быстро кровь отливает от щек. Даже губы полиловели, в глазах метнулся даже не страх, а ужас.

Крепость Верховного Мага медленно приближалась, сэр Макиннон произнес, наконец, ровным контролируемым голосом:

– Он вас вызывал?

– Нет, – ответил я с тем же нехорошим злорадством, – я иду незванным.

Он спросил таким же ровным голосом, не выдавая никаких эмоций:

– А если он не примет вас?

– Вышибу дверь, – пообещал я. – Как вы полагаете, благородный человек может настаивать на разговоре?

Он пробормотал поспешно:

– Да, конечно, сэр Ричард... Если идет к человеку неблагородного сословия...

– А маг – неблагородного?

– М-да, – проблеял он жалко, – да, разумеется. Из простых...

– Тогда все в порядке, – заверил я бодро. – Спасибо, вы меня успокоили.

Макиннон побледнел еще больше. Некоторое время мы неслись молча, крепость с каждым конским скачком медленно вырастает в размерах. После долгой паузы, во время которой Макиннон не проронил ни слова, я не вытерпел первым:

– Сэр Макиннон, вас что-то тревожит?

Он подавил тяжелый вздох и ответил бодро:

– Нет, сэр! Ничего не тревожит.

Я ответил несколько разочарованно:

– А-а-а... это хорошо. Я рад, что вы... гм... такой. Ладно, все в порядке. Плантагенет, тебе не легче бежать на двух лапах?

Мой конь ответил хриплым голосом:

– Да, мой повелитель, много.

– Тогда не стесняйся, – разрешил я.

Краска снова покинула лицо Макиннона, мой конь превратился в двуногое чудовище, а вместо лошадиной пасти образовалась хищная морда крупного плотоядного.

Я придерживал демона, чтобы не слишком обгонял коня Макиннона. За несколько верст от крепости я остановился, соскочил на землю.

Светит солнце, но над крепостью Верховного Мага словно простерла крылья глубокая ночь. И, как ночью, крепость выглядит особенно страшной и пугающей. Даже жуткой

настолько, что я постоянно двигал плечами, руками, переступал с ноги на ногу и без нужды смотрел по сторонам, чтобы скрыть трусливую дрожь. Меня встряхивало, как болтушку в миксере, ощущение несоразмерности исполинской мощи вгоняет в смертную тоску, я тонул в безысходном отчаянии, как в темном липком болоте, понимая, что эту твердыню не сокрушить.

И сколько ни оглядывайся на безмятежный солнечный день, но идти именно туда, где холод и ночь, где черная крепость благодаря сотням огней четко выделяется на зловеще-черном небе, которого словно бы и нет, а сразу межзвездный космос.

Макиннон не покидал седло, удилами и шпорами успокаивая испуганное соседством демона животное. Плантагенет посмотрел на него, вздохнул, но в обычного коня превращаться не стал.

Я сказал раздумываяще:

– Сэр Макиннон, вы не вызовете подозрения, если объедете гору поближе и выберете место для штурма. А я пока, не замечаемый господином Гатонесом, буду мыслить и готовить группу захвата.

Он бледно улыбнулся, краска так и не вернулась на его щеки.

– Сэр Ричард... Уверен, что этот интересный конь у вас не единственный помощник?

– Не единственный, – согласился я.

– А нет ли...

– Отправляйтесь, – прервал я.

Он поклонился, не получив никаких утешительных заверений в нашей мощи. Конь под ним взвился на дыбы, заржал гневно и ринулся в сторону крепости со всей поспешностью.

Я проводил его мрачным взглядом. Давай, карьерист. Повышение по службе и рост жизненного уровня сопряжены либо с долгим упорным трудом, либо с серьезным риском для жизни. К счастью, ты это понимаешь. Посмотрим, насколько выдержишь...

– Как думаешь, – спросил я, – у Гатонеса много демонов?

Плантагенет ответил хмуро:

– Много.

– Сколько?

– Этого никто не знает. Но у Верховного Мага не только демоны, мой повелитель...

– Маги? – спросил я.

– Их много, – ответил он так же сумрачно. – Младшие маги, старшие, главные, а над всеми – Верховный.

– А демоны?

– Демоны подчиняются только ему, Верховному. Вон летят...

По направлению к крепости со стороны стольного града по небу несутся крупные крылатые твари. На известных мне гарпий похожи, как гориллы на мартышек. Летят тяжело, в то же время достаточно быстро и стремительно. За ними тянутся странные полупрозрачные следы. В небе призрачные облака показались мне их порождением.

Две отстали, в полусотне шагов от нас пошли на посадку. Я насторожился, исполинские гарпии на землю опускались тяжело, приседая и почти падая, похожие на некие чудовищные цветы.

– Что им надо? – прошептал я.

Обе принялись быстро-быстро рыть лапами землю, выбрасывая целые пласты. Одна с визгом ухватила нечто в глубине, я видел, как ее почти втянуло в яму, но вторая тоже просунула узкую морду рядом, тело ее дергалось, напрягалось, под кожей вздувались и дрожали от напряжения мышцы.

Раздался отвратительный писк. Гарпии разом выдернули длинное белое тело не то огромного толстого червя, не то странную змею, принялись рвать зубатыми пастьми, а потом разом взлетели и понесли ее в сторону крепости.

Плантагенет смотрел вслед, как и я, потом вдруг съежился, у него появились четыре ноги, укоротилась шея, а хвост из костистого и с шипами стал пышным конским.

Я оглянулся, по зеленой долине в нашу сторону несется веселая праздничная кавалькада на разукрашенных, как попугаи, конях. Да и сами люди по яркости одежд перепугаили бы самых попугаистых попугаев. Впереди кавалер с дамой, за ними на почтительном расстоянии, чтобы не слышать светских разговоров, толпа слуг, лакеев, сокольничий с птицей на руке и трое псарей с собаками на длинных сворках.

Глава 5

Я с удивлением узнал леди Элизабет, рядом с нею мужчина, которого я уже видел, ах да, это же легендарный и неустрашимый граф Бэкдорф, герой многочисленных сражений за женские подолы, умелый соблазнитель, покоритель и разбиватель дамских и даже девичьих сердец, овеванный жуткой славой ловеласа...

Леди Элизабет покраснелась, глаза блестят, на щеках дивный румянец, губы раздвинулись в ликующую улыбку.

– Маркиз! – воскликнула она в великом изумлении. – Как вы здесь оказались?

– Да вот, ждал, – ответил я, – когда вы на охоту... Настоящая охота – это когда графу охота и вам охота, да?

Она вспыхнула, в глазах блеснул гнев. Граф, напротив, с высоты своего крупного коня рассматривал меня снисходительно.

– Маркиз, – произнесла она ледяным голосом, – вы много себе позволяете!

– Я ж из медвежьего угла, – напомнил я. – У нас не ездят охотиться даже после обеда! А уж ближе к ужину... Это чтоб ночь застала в дороге, да?

Она посмотрела на меня растерянно, словно эта мысль ей даже не приходила в голову. Граф Бэкдорф с высоты своего крупного коня брезгливо наморщил нос.

– Э-э... маркиз... Я вижу, вы в самом деле из медвежьего угла. Ну, как можно носить такой костюм?

Я оглядел свою одежду.

– А что в нем не так?

Он сказал с немыслимым чувством превосходства:

– В моих владениях даже простолюдины такими брезгают... Мне за вас просто неловко перед дамой.

– Ничего, – ответил я бодро, – зато у вас больше шансов.

Его брови полезли наверх, я даже не предполагал, что их можно вскинуть настолько театрально высоко.

– Шансов? На что?

– На внимание дамы, – объяснил я любезно. – На ее благосклонность. И на оброненный платочек. Даже без соплей в нем. Или с соплями, это неважно, правда?

Его глаза стали строгими, улыбка исчезла с картинно-мужественного лица. Элизабет взглянула на него обеспокоенно, когда он гордо выпятил грудь и окинул меня надменным взглядом.

– Вы оскорбляете меня, маркиз, – произнес он холодным тоном, лишенным всякой иронии. – Это недопустимо.

– Я? Оскорбляю?

– Вы, – ответил он с нажимом. – Оскорбляете!

– Чем, граф? – удивился я.

Он процедил сквозь зубы:

– Даже предположение, что прекрасная леди Элизабет, несравненнейшая из женщин, могла бы предпочесть вас... тьфу, это даже выговаривать противно... это гнусно и оскорбительно!

– Да бросьте, – ответил я мирно, – будьте проще, и тролли к вам потянутся. Леди Элизабет – ваша, я же не соревнуюсь с вами за ее внимание и благорасположение!

Она смотрела на меня с брезгливой жалостью. Граф красиво соскочил с коня, широкая перевязь лежит на его груди, как пришитая, он окинул меня оскорбительным взглядом и взялся за рукоять длинного узкого меча.

– Маркиз!.. Вам придется ответить за свои слова!

– Я уже ответил, – сказал я. – Катитесь, граф.

– Что-о?

– Я уже сказал, – повторил я. – Катитесь. Не хватает мне на каждого придурка реагировать. Без вас забот выше крыши.

Через его плечо я видел скачущего со стороны крепости Великого Мага всадника. Сэр Макиннон еще издали сорвал с головы шляпу и размахивал ею, словно разгонял облака.

Я ощутил, как часто колотится сердце, сейчас или никогда, прошептал тихо:

– Серфик... Все готовы?

– Да, – раздался над ухом комариный писк. – Вам стоит только велеть.

– Улакаторзабер, – произнес я, – ко мне!

Граф Бэкдорф, с белым от ярости лицом, подступил ко мне, размахивая мечом.

– Или вы принимаете бой, – прокричал он, брызгая слюной, – или я убью вас, как ничтожнейшего из трусов!

Последние слова заглушил чудовищный рев. Шагах в десяти от нас земля вздыбилась, будто гигантский крот выпихивает наверх рыхлые комья земли, но когда земля осыпалась, поднялось нечто блистающее металлом, словно жук-бронзовка, размером с газгольдер.

Железный демон в три человеческих роста разогнулся, комья земли продолжали срываться с металлического торса. Огромная голова, размером с котел, повернулась в нашу сторону. Багровые глаза, горящие лютой злобой, поймали в прицел троих людей. В два бухающих шага, от которых содрогалась земля, оказался передо мной, преклонил колено.

– Господин...

– Быстро, – велел я, – доспехи, молот, пояс...

Я не успел договорить, лязгнуло, я в доспехах, незримые руки одели на меня перевязь, пояс, я ощутил тяжесть молота. Мелькнуло перекошенное ужасом лицо графа, Элизабет пятилась, глядя на меня вытаращенными глазами.

Я прокричал:

– Сегадергабестлюкас!.. Каждая минута на счету!.. Цирруокс, атакуй с воздуха!.. Фенекурд, вышиби ворота!.. Занзибакер, уничтожай младших магов... Эгалите, фратерните!..

Плантагенет превратился было в динозавра, но передумал и стал огромным конем и преклонил передо мной передние ноги. Из ноздрей валил синий дым и вылетали искры, а когда он яростно всхрапнул, выметнулись длинные языки пламени.

Я вскочил в появившиеся седло, мои бедра прихватили широкие захваты. Прямо из воздуха появились три огненных демона размером с амбары. Взмахом руки я послал их на громаду крепости.

– Вперед!.. Наше дело правое – враг будет разбит!

Я оглянулся на графа, теперь уже я смотрю сверху вниз со спины исполинского железного коня, что злобно скалит длинные волчьи зубы. Графа трясет, словно вынырнул из полыни, зубы стучат, глаза затравленные.

– Извините, граф, – крикнул я виноватым голосом, перекрывая грохот и топот своей армии, – нашу дуэль закончим в другой раз! Вы не против?

Он судорожно закивал, даже не понимая, что я сказал и чему он кивнул. Элизабет в ужасе смотрела на меня. Я ободряюще улыбнулся, отчего она едва не хлопнулась в обморок, и, выдернув сверкающий меч Арианта, послал чудовищного коня в галоп.

– Вперед!.. – прокричал я страшным голосом. – За нашу и вашу свободу!

Конь с места пошел в галоп, забросав пластами земли из-под копыт близкого к обмороку графа и перепуганную даму. Я уже не оглядывался, ветер свистит в ушах, земля сотрясается от чудовищного грохота множества копыт.

За нами уже около двух сотен демонов, я еще во время полета на Плантагенете сгруппировал их, чтобы не вызывать каждого отдельно, и теперь по одному кодовому слову появляются сразу целые отряды.

Из облаков вынырнул в трех телах летающих ящеров крылатый демон Кадарянош. Набирая скорость, он пошел в пике на дворец. Маги на вершине ближайшей башни вскинули руки, слепящая молния ударила в первого ящера. Демон вскрикнул страшным голосом, его охватил красный огонь, крылья сторели, как бумага, и потерявшее управление тело понеслось к земле раскаленным метеоритом.

Второе тело усиленно замахало крыльями, однако маги направили в него стремительно летящие шары гремящего огня. Два пронеслись мимо, от третьего увернулся, но последний ударил в правое крыло. Демон вскрикнул от боли, вошел в штопор и с силой ударился в землю недалеко от ворот.

Оставшееся третье тело набирало ускорение, но и в него всадили молнии и файерболы почти в упор. Вспыхнув, он врезался в верхушку башни. Раздался грохот, тяжелые глыбы разлетелись, как пушинки. Горящее тело демона, разорванное на куски, сползло по стене башни, как огненная кровь.

– Он умер не напрасно! – вскричал я. – Уничтожим гнездо эксплуататоров и угнетателей свободы!

Внизу стражники и челядь разбегались от падающих обломков. Кого-то убило насмерть, кого-то покалечило, огромные глыбы раскатились по твердой земле.

Я взмахом руки бросил на прорыв ворот могучего демона Цеденбала.

– Давай, круши!.. По ту сторону – свобода!

Огромный демон, превратившись в исполинское огненное копье, понесся в сторону крепости, с грохотом выбил ворота, оставив опаленную дыру, ударился во внутреннюю стену и выжег в ней дыру, через которую проехали бы двое всадников.

На том месте взметнулось облако огня, по стене побежали багровые ручьи, с ревом взвился столб черного дыма.

– Все! – горестно вскрикнул Серфик. – Он выложил все силы...

– Ничего, – ответил я, бодрясь, – зато выломал ворота!

– Защита, – пропищал он совсем тоненько, – там настоящая защита...

А что было здесь, спросил я молча, если два таких могучих демона, как Кадарянош и Цеденбал, израсходовали все силы. Теперь им на долгую подзарядку в плазменный океан, а для меня все равно что погибли.

Демоны молча смотрели на меня, покорные моей воле. Я ощутил себя в мучительной роли полководца, что бросает на верную гибель один отряд за другим в надежде обеспечить в войне общий перевес и одержать победу.

С трудом удерживая насмерть перепуганного коня, подскочил сэр Макиннон, бледный как смерть, с вытаращенными глазами.

– С-с-с-сэр Р-р-р-ричард! – прокричал он срывающимся голосом. – Укажите мне м-м-место... с-с-с-среди ат-т-т-такующих...

– А где вы хотите сами? – осведомился я.

– В го-о-л-л-л-ловной гру-п-п-пе...

Я ответил громогласно:

– Выбирайте место сами, сэр!.. Я доверяю вашему чутью воина!.. А вы, каналы, вперед, вперед! Смерть мага-угнетателя освободит вас... и ваших собратьев!

Раздался страшный треск, по внешней стене пробежала кривая трещина. Земля заворчала и дернулась. Стена раскололась на части, одна медленно и очень нехотя, словно раздумывая, повалилась вовнутрь. Затрещала вторая башня, черная трещина расколола ее пополам.

Одна часть рухнула, рассыпавшись на крупные глыбы, а вторая стояла, раскрытая, как гигантская консервная банка исполинским ножом. На этажах в ужасе застыли люди.

За рухнувшей стеной перед самым донжоном образовалась яма с обрывистыми краями. Земля обрушивалась, словно ее засасывало в воронку, та ширилась, захватывая постройки, сарай, кузницу и конюшню.

Я несся к провалу в стене на пламенном коне под тяжелый грохот копыт, сухой стук падающих глыб, от которых дрожала земля, крики и рев. За нами огненные следы подков, из пасти Плантагенета огонь и клубы дыма, уздечка и сбруя на таком чудовище выглядят нелепо. Шлейф огня тянется, как хвост кометы, я слышал, как трещат, стгорая, искры.

Серфик яркой искоркой несется впереди, что-то пищит, но я не слышу, зато громко вскрикнул Плантагенет. На балкон последней уцелевшей башни выбежал человек в темных широких одеждах. Мгновение он смотрел на страшные разрушения, затем его руки взметнулись вперед и ввысь. Я не поверил глазам, чудовищная дыра в земной коре начала затягиваться. Разлетевшиеся по двору камни как ветром покатило обратно, наверх поднимаются, как семена одуванчика под темным ураганом, через несколько секунд разрушенная башня снова засияла, как только что построенная!

– Цурюклефил, – заорал я, – убей ту сволочь!

Три демона-гарпии услышали мой приказ, даже находясь в поднебесье. Я только увидел, как со свистом падающего снаряда понеслись три тела, маг вскинул голову, но не успел вымолвить слова.

Одна гарпия все же вспыхнула синим огнем, раздался треск, ее расшвыряло на куски, но две другие обрушились на мага, сбили с ног, прижали к полу и свирепо рвали его тело огромными зубатыми пастьями.

– Отлично! – прокричал я. – Вперед, вперед!.. Паблио о муэртэ!.. Кляйнемаускомнахаус, твое время!

Вдали от крепости появился небольшой смерч, но быстро рос, наконец стремительно надвинулся на крепость. Ее заволокло мерцающей пеленой, я видел стены и каменные башни, словно сквозь грязное матовое стекло.

– Ломай!.. Круши! – прокричал я бешено. – Там прячется от нашей справедливости мести ваш угнетатель!.. Нам нечего терять, кроме собственных цепей!.. Весь мир насилия мы разрушим!!!

Смерч все еще усиливался, сорвал флаги и флюгера, затрещали и начали отрываться на башенках крыши. Маги убежали с балконов, но даже в окнах едва кто показывался, свирепый вихрь тут же выдергивал из помещений, с диким хохотом скручивал еще в воздухе жертву так, что во все стороны брызгали струи жаркой крови, а на землю падала сухая шкурка с перемолотыми в мелкую гальку костями.

– Так их! – заорал я. – Если враг не сдается – его уничтожают! Да здравствует буревестник мировой революции!

Каменистая земля в долине с громом и грохотом взлетела, словно подброшенная взрывом мощной авиационной бомбы. В пыли и падающих комьях почвы из недр поднялся и завис летательный аппарат, у меня радостно стукнуло сердце в узнавании чего-то знакомого, однако летающее существо оскалило громадную пасть, испустило дикий пронзительный визг, от которого едва не снесло череп, и ринулось в сторону крепости.

– И вместо сердца, – крикнул я вдогонку, – пламенный мотор!.. Хорошо! Круши тоталитариста...

Демон превратился в плоский диск размером с танцплощадку, с шумом пронесся над самой землей и ударился в основание последней из башен.

Подрезанная у самой земли, она вздрогнула, качнулась и просела. Я ждал, что рассыпется, никакой цемент не выдержит такую встряску, однако башня стояла, покачиваясь, затем наклонилась и начала медленно падать в сторону дворца.

Испуганные крики стали громче. Башня обрушилась на здание, как карающая десница Господня. Восточное крыло смяло, словно картонную коробку. Взлетели клубы удушливой желтой пыли, осколки камня разнесло подобно брызгам.

Оставался только мрачный массив главного здания, что похож на целый город. Смерч все еще терзал его, растянулся, охватывая целиком, не давая никому выйти на многочисленные балконы, кружил и рвал, но заметно слабел.

Я терялся в догадках, и лишь когда смерч рассыпался в пыль и бессильно упал на землю и пропал, я понял, что сами стены крепости то ли магически ядовиты, то ли поглощают энергию.

– Выбить ворота донжона! – прокричал я. – В царство свободы дорогу грудью проложим себе!.. А еще и другим угнетенным!.. Свободу Лумумбе!

Перед воротами вздыбилась земля. Из холма поднялся огромный каменный демон, ростом с ворота, разогнулся и, подойдя к ним, с яростным ревом ударил кулаком размером с цистерну.

Ворота затрещали, прогнулись, но, к моему изумлению, выдержали. Голем ударил снова, те прогнулись сильнее, будто парус под напором ветра, однако вернулись на место.

Я заорал люто:

– Лупите цю скалу! Нехай ни жар, ни холод не стунит вас!..

С ворот голема начали обстреливать стальными стрелами. Я видел, как вспыхивают искры на каменной голове и плечах, иногда откалывают куски камня.

Голем с яростным ревом принялся бить обоими кулаками в ворота. Со стен набежали люди в доспехах и рубили огромными стальными топорами, похожими на колуны для рубки дров, а также кирками.

– Выбей! – прокричал я. – Всем телом!.. Безумству храбрых поем мы песню!

Голем отступил на пару шагов, над воротами уже собралось не меньше двух десятков человек, в глазах рябило от блестящих искорок металлических стрел. Он покачнулся, накрепился вперед и ринулся, опустив голову.

Ворота затрещали, прогнулись, затем раздался мощный и очень странный звук лопнувшего шара. Голем упал вовнутрь двора, под ним трещали разбитые обломки ворот.

Он начал подниматься, хромая, но сверху из массивного здания обрушился огонь, подобный греческому. Голем жутко закричал, как кричал бы смертельно раненный линкор, остановился, размахивая руками, а на него обрушились еще и еще порции огня.

Я сорвал с плеча лук, на балконе третьего этажа маг в черном двигает руками, из его ладоней выметнулся очередной огненный шар, но не успел он коснуться объятых пламенем голема, как моя стрела пропела песню смерти. Белое оперение возникло в правом глазу чернокнижника.

Маг перегнулся через барьер и сорвался вниз. Голем уже корчился на земле, его красное тело расплывалось кипящей лавой, проседало в землю. Одежда мага вспыхнула, едва он ударился о горящую землю.

Я пустил коня вперед, тот простучал копытами по багровой лаве, разбрызгивая, словно водицу.

Я крикнул павшему голему:

– Спи спокойно, дорогой товарищ! Твоя смерть не напрасна! Ты погиб, но свобода будет жить!

Обгоняя меня, к головному зданию ринулись орды демонов, некоторые сразу начали карабкаться по стенам, просто чудо-спайдермены, другие с грохотом бились головами, плечами и копытами в стены донжона.

Из темного пространства холла выметнулся огненный шар и покатился, грохоча и разбрызгивая багровые искры. Демоны с воем брызнули в стороны, но двух все-таки придавило и оставило от них выжженные силуэты.

Следом из донжона вышли в три ряда могучие воины, закованные в железо с головы до ног, а за ними ряд магов в оранжевых плащах. Первые же демоны пали от их ударов, только самый крупный из железа устоял и с ревом крушил защитников стальными кулаками. Трое упали, но остальные, несмотря на испуг, начали тыкать остриями копий, рубили топорами. Демон убил еще пятерых, те догадались закрыться от него щитами и били уже тяжелыми молотами и окованными стальными шипами палицами.

Внезапно с тяжелым грохотом копыт в зал ворвался на обезумевшем от страха коне сэра Макиннон. Меч в его руке с размаху опустился на шлем воина в центре.

– За леди Лукрецию! – прокричал он.

Мне почудилось, что он вроде своего коня, уже не соображает, что делает, но сейчас это неважно, никто не отступает, люди и демоны сражаются и умирают стойко, но мы теряем драгоценные минуты, я с криком повел бегом охраняющую меня группу мимо сражающихся в глубь донжона.

– За мной, – покрикивал я, – за мной! У них отвлекающий маневр!.. А нам надо добить врага...

– ...в его логове, – прорычал один из демонов.

– Правильно! – крикнул я с воодушевлением.

Из полутьмы зала вышли, сомкнув щиты, новые три ряда закованных в сталь воинов. Демоны ринулись, наклонив головы, раздался лязг, рычание, крики. Демонов отбросило на несколько шагов. Воины, не ломая строй, пошли в наступление.

Я увидел, что нас оттесняют к зияющей дыре ворот, где все еще кипит схватка. Вокруг щитов и даже фигур воинов витает некая призрачная дымка, вот сволочи, это нечестно, все закрыты мощными магическими щитами, лучшая защита от демонов и колдунов...

– Стоять! – заорал я и, выдернув из пояса болтеры, открыл быструю стрельбу с обеих рук. Стальные болты, созданные наукой, а не магией, просто не замечали магическую защиту. Я слышал непрерывающийся звон, а затем лязг и грохот падающих тел. На стенах появились, окрашенные свежей кровью, красивые блестящие заклепки с изящными звездочками на шляпках.

– Вперед! – закричал я, надсаживая глотку. – Там – свобода!

Глава 6

Оставшиеся воины, потеряв строй, все еще пытались сражаться, но их смяли, растоптали и растерзали во мгновение ока. Я орал, взывал, вел, мы пронеслись через зал, вышибли двери во внутренние покои. Там тоже стража, я ее расстрелял хладнокровно и жестоко.

Мы добивали последних, когда каменная стена зала прогнулась с той стороны. Глыбы затрещали, стараясь удержаться в гнездах, но вывалились из кладки. Через пролом к нам протиснулся огромный каменный голем. Чудовищная голова повернулась с жутким скрипом, как заржавевшая башня, отыскивая противника, глаза вспыхнули багровым огнем.

– Мы свои! – прокричал я.

Демон взревел и пошел на мой отряд. Передние демоны схватились с ним, но он цапнул сразу двух и задушил во мгновение ока.

– Идиот! – заорал я. – Мы ж за вашу и нашу свободу!.. Мы несем демократию и культуру...

Молот вылетел из моей ладони бесшумно, так мне показалось из-за треска, грохота и диких криков. Демон ухватил еще двух, что бросились, закрывая меня своими телами.

Треск, голова каменного чудовища взорвалась сотней осколков. Помятые демоны упали на пол, подхватились, один злобно пнул падающего гиганта.

– Он не враг, – сказал я с надлежащей грустью, – просто обманутый товарищ... Вперед, каналы!.. Вы скоро увидите свой ад!

Я соскочил с Плантагенета. Он повернул голову и смотрел на меня с вопросом в глазах.

– Ты не боевой демон, – сказал я. – Иди сзади. Я не хочу, чтобы тебя убили.

Он остановился, послушный приказу, остальные демоны ринулись, стуча копытами, вдоль стен зала.

Я крикнул Серфику, стуча зубами:

– Почему так холодно?

– Магу не нужно тепло, – пропищал Серфик.

– Только за это стоит убить, – сказал я, и Серфик ликующе запищал, что да, надо, здесь демоны страдают еще сильнее.

Во дворце полыхают не факелы, а целые жаровни, от них холодный синий огонь, недобрый, я бы сказал, а недобрость в том, что человек не воспринимает синее пламя как свое, человеческое, нам нужно желтое, красное или оранжевое...

На втором этаже прямо в воздухе вяло плавают мелкие крылатые, то ли недоразвитые гарпии, то ли рыбы с крыльями летучих мышей, абсолютно голые и даже как будто мокрые или покрытые отвратительной слизью.

Передвигаются беспорядочно, кричат пронзительно гадкими голосами. От них вроде бы нет угрозы, но демоны молниеносно растерзали всех, растоптали и побежали дальше, поскальзываясь на слизи.

В следующем зале отвратительные крики, скрип челюстей и жуткий шорох множества крыльев. На демонов набросились огромные летучие мыши. Я стрелял с обеих рук, демоны отбивались от нетопырей достаточно успешно, зал сотрясаясь от крика, визга, рева.

– Винцеремос!.. – прокричал я подбадривающее. – Версинжеторикс!

– Здесь! – вскрикнул один из демонов.

– Молодец! – крикнул я малость обалдело. – Продолжай!

Неважно, если какой лозунг не поймут, им важнее слышать мой трубный глас, ибо слух, что военачальник погиб, может заставить даже побеждающих все бросить и бежать, сломя голову, бросая оружие.

– За Галилея! – кричал я страшным голосом. – Долой мрак и мракобесие!.. Ура!.. Щэ нэ вмерла Украина!.. Падриа о муэртэ!

На верху лестницы, что ведет на третий этаж, появился, загораживая дорогу, человек в темном плаще. Капюшон поднят, открывая крупное суровое лицо. С двух сторон выходят без спешки и останавливаются за его спиной рослые воины в железе, с короткими копьями, топорами и широкими мечами.

– Колдун? – крикнул я. – Ты можешь сдать. Ты и твои люди.

Человек в плаще раздвинул губы в недоброй усмешке.

– Безумец!.. Ты еще не понял, как мало у тебя сил.

– Здесь много и не надо, – ответил я нагло. – Сложи оружие... и спускайся с поднятыми руками. Нет, лучше за голову. И лицом к стене. С мешком на голове.

– Это все? – спросил он с интересом.

Я подумал и добавил:

– И повязкой на глазах.

Его улыбка стал шире, я передернул плечами, жутковато, когда глаза остаются холодными и злыми, а губы растягиваются вширь, словно другим человеком.

– Сдавайся ты, – ответил он. – Мы посмотрим, может быть, как-то сумеем тебя использовать.

– Это я тебя сейчас попользую, – пообещал я. – Во всех камасутрах. Казанова с ума сойдет. Вперед, ребята!.. Пленных не брать.

Колдун широко распахнул рот, все еще смеющийся, с белыми ровными зубами, но зубы начали быстро удлиняться, превратились не в клыки, а в нечто отвратительно жуткое, длинное и тонкое, как змеиные зубы, похожие на грязные костяные иглы.

– Ты пришел сюда зря...

Он ринулся по ступенькам навстречу, стремясь сшибить всей массой. Я быстро сдвинулся вбок, мой кулак встретил его с такой силой, что лицо вмялось, как арбуз. Кровь брызнула горячими струями, а сам он, перекрутившись вокруг моего кулака, как на перекладине, исчез.

Во мне нечто звериное заорало, я бросился вперед, распираемый пещерностью, силы столько, что вот-вот лопну. Навстречу выбегают люди и существа, исчезают с жалобными криками под ударами моего меча и выстрелами из болтера.

Я перепрыгивал по две ступеньки, успевая рубить, топтать, повергать, калечить, ревел и рычал, за мной неслись, обгоняя меня и первыми врываясь на этаж, доверившиеся мне демоны.

Сцепив зубы, я орудовал двумя руками, схватывая взглядом все детали, замечая и успевающая отражать удары и наносить в ответ, стараясь делать это кротко и по-христиански: сторицей.

Адреналин настолько обострил все чувства и ускорил движения, что все кажутся плавающими в воде. Сейчас на меня замедленно бросились четверо, трое с копьями, один с топором. Я одним взмахом срубил нацеленные в меня наконечники копий, достал мечом в плечо четвертого и еще успел троих сразить выстрелами из болтера.

– Бей, руби, круши!.. – заорал я.

– Да здравствует культура!.. – пропищал Серфик.

– Молодец, малявка, – одобрил я. – Руби, ломай!.. За высокую нравственность!.. Вперед, каналы!

– Вперед, каналы! – восторженно пискнула эта красная искорка.

Часть демонов разбежалась по этажу, зачищая внутренние помещения, а я с ударным отрядом ринулся вверх по лестнице на четвертый этаж.

С пятого навстречу торопливо сбегали закованные в железо воины в полтора раза выше меня, гротескно вытянутые, с длинными лицами, похожие на мумии.

С ходу выстроились и пошли вперед в три ряда, сомкнув щиты и выставив копья. Демоны налетели, как татаро-монгольская орда. Брызнула кровь, раздались крики, визг, вопли, а гиганты шагнули вперед, топчя упавших.

Демоны дрались отчаянно, гибли, но лишь одного-двух удалось вырвать из рядов противника и торопливо терзать, но этих убили копьями в спину.

– Не отступать! – заорал я. – Отступать некуда, позади – я!

Я стрелял из обоих болтеров, воины вздрагивали от ударов, останавливались, но никто не падал, словно усиленно заживляют тяжелые проникающие раны.

Из задних рядов демонов протолкался огромный пылающий, как ядро звезды, раскаленный добела гигант. Рассыпая протуберанцы, он навалился на ряды противника, я впервые услышал с их стороны крики ужаса и боли. Задние воины еще шли, но передние остановились, попятились, сбились в кучу.

Я видел, как загорелись волосы, одежда, а металлические доспехи мгновенно раскалились и потекли багровыми струйками. Один из воинов, слепой от боли, понесся, не разбирая дороги, прямо на меня.

Я ударил его в лицо, на моем кулаке осталась прилипшая кожа, она легко снялась со всего лица. Я стиснул зубы и отвернулся, не желая смотреть на красное месиво заживо сваренного лица. Демон закрутил смерч вокруг отряда, жар усилился, я видел, как лопаются головы, кровь выбрызгивается и не успевает упасть на землю, как испаряется, а пепел подхватывает невесть откуда взявшийся ветер.

Свирепый ураган срывал кожу, мясо, капли крови казались отсюда мельтешащей мошкаррой. Люди уже не кричали, падали, роняя из рук раскаленное оружие, что начинает плавиться.

Кости не успели сгореть, их подхватил вихрь и унес. Я рассмотрел в вихре искаженное яростью призрачное лицо, крикнул с воодушевлением:

– Мы ломим, гнутся шведы!.. Вперед, за гуманизм! Не оставлять камня на камне...

– Камня на камне! – раздался восторженный писк над ухом. – Гуманизм наступает!

– Ура! – прокричал я. – Вперед, орлы!.. Серфик, где главный маг?

Он вцепился всеми четырьмя лапками в мое ухо и прокричал, перекрывая шум битвы:

– Верховный?

– Ну да, Верховный! Где он?

В ухе пропищало:

– Верховный Маг пока даже не знает о нас!

Я вскрикнул потрясенно:

– Как это?.. А все эти чудовища, что напали на нас...

Писк стал тревожнее:

– Они просто живут здесь. Магу они любопытны... У него есть и чудовища, которых он создал сам. Они... разные. Вон там сейчас готовятся напасть горгульи... Некоторые, правда, не совсем простые. Наверное, маг что-то с ними делал, а потом про них забыл. Так что, мой повелитель, нам до мага еще далеко.

– Далеко? – вскричал я. – У меня половина войска уже полегла!

– Но ведь с вами гуманизм? – спросил он печально.

– Да, – ответил я со вздохом. – А гуманизм обязан победить. Вперед, каналы!.. Не останавливаться на пятом! Враг только и ждет, что будем дробить силы!..

– Выше и выше, – пропищал Серфик.

– Вперед! – взревел я. – Поднимаем знамя культуры еще выше! На шестой этаж.

Навстречу вылетела стая огромных летучих мышей, я было перевел дух, но демоны отмахивались от них панически, кричали, головы многих сразу окрасились кровью.

Я лихорадочно стрелял из обоих болтеров. Летучие мыши оказались с металлическими головами и когтями, что-то новое в генетике, а я, оказывается, совсем не такой уж и любитель

прогресса. На меня налетели стаей, пришлось убрать болтеры и отмахиваться мечом, торопливо вращая, как лопастью пропеллера. Меч рубил мягкие тела, как листки мокрой бумаги, иногда чуть звякало, брызгали искры.

На шестом этаже вправо и влево уводят металлические коридоры, похожие на внутренности исполинских труб, холодный блеск, стерильная чистота, ювелирность отделки...

А дальше коридоры перекрыты толстой паутиной от пола и до потолка. За первой – вторая, третья, четвертая, все разные, словно пауки самозабвенно соревновались в художественном творчестве,

Я остановился в замешательстве, демоны набросились на паутину и дергали, стараясь порвать или хотя бы отодрать от стен, другие побежали по лестнице наверх.

– Зачем столько этой дряни? – спросил я с отвращением. – Или это андеграунд?

Серфик пискнул:

– Она собирает магию.

– А я думал, мух.

Но прикусил язык, из такой паутины не выберутся даже зайцы. А то и кабаны.

– Вперед! – закричал я запоздало в спины демонам, что бежали мимо меня по лестнице. – Установим и там царство высокой культуры!.. Ура!

Этаж выше весь погружен во тьму, я слышал, как разъяренные демоны носятся, натываясь на стены, слышится сухой треск, шипение от боли.

– Маги видят в темноте, – прошептал Серфик, – видят невидимое, видят сквозь стены...

– Свет победит Тьму, – сказал я мудро. – Fiat lux!

Шарик света вспыхнул неожиданно ярко, даже злобно, начал пожирать тьму, потому что это не просто тьма, а магическая тьма, а свет я создал не магический, а паладинский.

Зал огромен, демоны в темноте разбрелись далеко, в самом центре зала колодец, наполненный водой по самые края, а прямо передо мной оказался воин на голову выше меня, в старинных доспехах, лицо яростное, в глазах безумие.

Я не успел сказать «мама», как стальной кулак ударил меня в лицо. Хрустнули хрящи и кости, соленым заполнило рот. Я взвыл от резкой боли в сломанном носе. Рука метнулась к мечу, но гигант ударил снова, я отлетел на несколько шагов и проехал на спине.

Он догнал быстро, я едва успел выхватить меч, как он ударил по руке, и меч выпал из онемевших пальцев. Я не успел увернуться, сильный удар ногой подбросил меня в воздух.

Я вскрикнул, изо рта брызнула кровь, снова обрушился на пол всей тяжестью. Этот стальной монстр оказался быстр, гораздо быстрее, чем я ожидал. Судя по его стальным кулакам, убьет с одного удара, если попадет хорошо, и я взмок, задыхался, легкие в огне, но откатывался, старался избежать смертельного удара, мечтал хотя бы дать подножку, однако монстр тяжел, как скала, а удары сокрушают ребра, ломают грудные кости, я вскрикивал и отползал, а он шел за мной, быстрый и свирепый.

К нам уже бежали два быстрых демона и, не раздумывая, прыгнули на гиганта. Он пошатнулся, но устоял, правая рука захватила одного из повисших на плечах. Тот закричал, шкура лопнула, обнажив красное мясо, брызнула кровь.

Я торопливо поднялся, в голове бьют колокола, сорвал с пояса молот. Гигант содрал с себя второго и безжалостно раздавил, наслаждаясь властью над противником. Демон страшно кричал от боли, кости трескали, перемалываясь в мелкую гальку.

Молот ударил гиганта в грудь, однако тот лишь покачнулся и отступил. Не веря себе, я поймал молот и метнул снова. Гигант снова устоял, для равновесия сделав шаг назад.

– Все назад! – велел я набежавшим демонам. – Он мой!

Они остановились, глядя исподлобья, готовые броситься в любой момент. Сцепив зубы, я начал осторожно отходить в сторону, все время бросая молот, выхватывая из воздуха и снова

бросая. Гигант разворачивался ко мне лицом, пытался сделать шаг, но сокрушающие удары заставляли его отступать...

...Последний удар сотряс, как удар дровосека дерево. Гигант отшагнул для равновесия, но споткнулся о невысокий бортик колодца. Огромные руки затрепыхали в воздухе, как крылья стальной бабочки, стараясь удержать равновесие. Тяжелое тело качнулось и ударилось в ровную гладь воды.

Брызги взлетели едва не до самого свода. Я поймал молот усталой дланью и сказал хрипло:

– Успешного плавания, Василий Иванович!..

Серфик пропищал в ужасе:

– Этот колодец идет до самой преисподней!

– Лучше глубоко тонуть, – сказал я, – чем мелко плавать. Вперед, каналы! Это что, восьмой этаж?.. Ничего, пешком полезно!

Глава 7

Этот зал показался музеем палеонтологии: исполинские скелеты динозавров, птеродактили, с распростертыми крыльями подвешенные к потолку, бронированные травоядные, но спустя мгновение я сообразил, что не было таких динозавров, как и всех прочих, застывших здесь в страшных позах.

– Ах ты, евгеник гребаный, – прошипел я. – Ах ты, доктор Менгеле... Да тебя от имени зеленых можно распять прямо на стене во имя гуманизма и милосердия...

Серфик носится вокруг, словно пчела вокруг воруемого мед медведя, пищит возбужденно, я оглядывался по сторонам озверело, противника не видно, побежал дальше. Демоны нестройной толпой понеслись следом, стуча копытами, когтями, хвостами и гремя чешуей.

Я вбежал в следующий зал, где сразу перешел на робкий шаг и ощутил, что начинаю говорить шепотом. Стены здесь не стены, а каждый дюйм – статуи, барельефы, даже толстые полуколонны, выступающие из других архитектурных излишеств, от пола и до свода из оскаленных морд, разинутых пастей, шипастых хвостов и разинутых клювов.

Из-за синего света почудилось, что попал в зимнюю ночь, когда именно такая вот холодная синь, нет летучих мышей, зато волки стаями, хозяева не только леса, но и деревень.

В своде узкая щель, струится свет, но и он странным образом превращается в холодно-синий.

На той половине зала не колодец, а целый бассейн, оттуда медленно поднимаются, не тревожа воды, крупные шары с металлическим блеском на мокрых боках. Их словно бы уносит ветром ввысь и в сторону. И кажется, я такие странные шары пару раз видел именно на Севере.

Я прокричал в недоумении:

– Но где же Верховный Маг? Почему не вмешивается?

Сферфик пропищал:

– Для него наше вторжение слишком мелко...

Я охнул.

– Все еще мелко? Он что, бог?

– Он маг, – пояснил Сферфик грустно. – Он властелин демонов.

– Но он же видит, что разносят его дворец!

– Восстановит его щелчком пальцев. Может быть, ему просто интересно, куда добежим.

Может быть, занят разгадками магических книг и не желает отвлекаться на пустяки.

Я прорычал:

– Ничего, мы ему покажем пустячки! Ты не можешь посмотреть, что он делает?

Он даже отпрянул в испуге, я едва расслышал его дрожащий в ужасе голосок:

– Ни один демон... никто-никто не может видеть мага, когда он закрывается магическим плащом!

– Если плащ не дырявый, – ответил я. – Кажется, этот этаж последний?

– Не знаю, я ничего не знаю! Я ма-а-а-аленький...

– Зато удаленький, – подбодрил я. – Ты со мной, а это, считай, геройство.

На той стороне зала богато украшенная дверь из двух створок, на засове, а в петлях кокетливо размалеванный фигурками висячий замок.

Я посмотрел подозрительно, дверь слишком декоративная, чтобы выдержала натиск, и замок какой-то несерьезный. Я взвесил его на ладони, сараи запирают на пудовые, а здесь не сарай...

– Что-то магическое? – спросил я.

Демоны за моей спиной смотрели тупо, вперед протолкался один огромный, как бык, и тяжелый, как носорог. Не говоря ни слова, он нагнул массивную, как валун, голову и ринулся на дверь.

Я крикнул запоздало:

– Погоди, вдруг там сигнализация...

Он ударился всем телом, замок треснул и рассыпался. Половинки начали распахиваться, блеснула молния, и грянул гром. Слепящая молния ударила в демона. Он закричал в смертельной муке, колени подогнулись, рухнул, весь объятый холодным синим огнем, а еще через пару мгновений его тело рассыпалось на куски, и крик оборвался.

Похожий на него демон, перепрыгнув через собрата, ворвался в зал, за ним вбежали такие же крупные и пылающие яростью. Я крикнул разлетевшимся осколкам:

– Мы отомстим и за тебя, друг!.. На обломках самовластья напишу ваши имена!..

Мы оказались в странной исполинской пещере, похожей на каверну в огромном куске металла. Высокий свод в стальных блестящих сталактитах, стены неровные, словно мы в беззубом рту старика, стены в неприятных наплывах и наростах, металлический пол в странных налечах, будто расплавленное железо вытекало уменьшающимися порциями и застывало, как лед.

Слишком много металла, мелькнула мысль. Ни одна цивилизация не может столько выплавить, а здесь все железо и железо...

Вспыхнул яркий свет. В центре зала повисло призрачное лицо размером с шар монгольфье. Стены просвечивают, но я отчетливо видел поры на мясистом носу, глубокие носогубные складки и запавшие глаза под седыми кустистыми бровями.

– Кто посмел? – раздался могучий объемный голос.

– Ты искал меня всюду? – закричал я. – Теперь тебя ищу я!

Гигантское лицо искривилось в усмешке.

– Ого, какие речи... Таких вообще не слышал. Откуда ты, насекомое?

– Это неважно! – крикнул я. – Важнее то, куда отправишься ты. Вперед, ребята!.. Если враг не сдастся, его уничтожат. Добьем фашистскую гадину в ее логове.

Глаза прищурились, еще без гнева, но уже в раздражении.

– Смелость, смелость... Но к старшим надо бы уважения побольше...

– Я уважаю тех старших, – прокричал я, – кто с возрастом набирается мудрости, а не... ну, ты понял, короче!

– Ты еще не знаешь, – произнес он насмешливо, – мудр я или не мудр, а уже судишь.

– Ты подсылал ко мне киллеров, – огрызнулся я. – Теперь пора отвечать.

– Перед тобой?

– Да, – ответил я запальчиво. – Как перед представителем общественности! Но я гуманист и могу еще принять капитуляцию! Безоговорочную!

Он покачал головой:

– Какие речи, какие речи... Узнаю себя в молодости. Ты хочешь найти ко мне дорогу?

– Да!

– Оттуда нет дороги, – ответил он спокойно. – Тем более обратно. Но ладно, я для вас сделаю...

Лицо исчезло, через пару мгновений в одной из стен начал расти пузырь, лопнул, оставив металлические брызги на полу, а в стене образовалась широкая дыра.

Я подбежал ближе, это не дыра, а туннель в сплошном металле, очень небрежно вырезанный, от стен еще несет жаром, но шагов через двадцать-тридцать блеснит свет солнечного спектра, там еще зал...

– Последний бой, – сказал я кратко. – Двести веков смотрят на вас с высоты свода этой пещеры! Вперед, за истинный гуманизм!

Я первым ринулся в туннель, спотыкался и перепрыгивал колдобины из стали. Следом топтали демоны, рычали и толкались, взвизгивали, на бегу зацеплялись за острые и горячие заусеницы стен, оставляя клочья шерсти, чешуи и толстой кожи.

Нас вынесло в исполинский мрачный зал, здесь стены и свод тоже из металла, веет холодом и нечеловеческим разумом. Или существованием. По стенам проложены рельсы, полозья, во множестве скользят громоздкие механизмы, сверху неумолчный лязг, а когда я устрешенно вскинул голову, то невольно втянул голову в плечи.

Сотни странных машин, похожих на огромных металлических жуков, стягиваются в кучу, сверкают искры, будто работает электросварка, скрежет, снизу поднимаются эти странные механизмы, в стенах люки, оттуда выползают эти жуки и тоже лезут наверх.

Зал оказался не залом, а так, крохотным предбанником: дальше открылся настоящий, что-то вроде ангара для супердирижаблей. Свод теряется во мраке, стены едва видны, высоко над головами проложены висячие рельсы, по ним то и дело стремительно проскакивают тележки, если это тележки.

Я все еще, раскрыв рот, тарасил глаза, когда ко мне подбежал Плантагенет, сказал хрипло:

– Повелитель, Верховный Маг уже рядом.

– Где?

– Я чую его присутствие. И другие чуют.

Я оглянулся на демонов, они сейчас похожи на жалкую стаю овец, увидевших стаю даже не волков, а тигров.

– Братья, – сказал я торжественно, – мы одной крови, вы и я, если говорить иносказательно и красиво. Так победим же или умрем, но лучше пусть умрет наш угнетатель. За честь рода! Вперед!..

Плантагенет, к моему изумлению, ринулся первым. Мощь Великого Мага безмерна, стучало у меня в черепе яростное. Ишь, как одним движением проломил стальную гору! Он и сейчас сильнее меня со всеми моими демонами. Но есть шанс, что в этом как раз и таится его уязвимое место. Маги стали бы властелинами, бессмертными и вечно неуязвимыми, если бы... не оставались людьми. Людьми, со всеми людскими пороками, тщеславием, гордыней и хвастовством.

Это богомол или паук, заведя жертву, убивает ее моментально, не теряя ни секунды. Человек тоже, пока слаб, убивает сразу. Но когда его мощь возрастает, ему уже мало просто убить. Ему хочется поглумиться над жертвой. Ему надо рассказать, как он его подпускал все ближе, чтобы посмеяться, похвалиться. Потом только убить, но затем, по мере роста мощи, вообще захватить противника в плен и бросить в подвал, куда приходиться, чтобы посмеяться над пленником.

Он наслаждается своей властью причинять боль и страдания, придумывает новые пытки, а когда на горизонте появляется новый противник, то маг сперва даже делает вид, что отступает, чтобы у того разыграл боевой дух.

Возможно, сейчас тоже наблюдает, посмеиваясь, как мы с великим трудом разносим его нарочито хилые заборы. Может быть, даже позволит вышибить двери в его последнюю комнату и будет смотреть, хихикая, как мы избиваем его слабую челядь, уверенные, что побеждаем...

Мы вбежали в комнату, что уже совсем не зал, а странные апартаменты: под стенами доспехи в рост человека, невероятная смесь высоких технологий с древней Элладой: шлемы с боковыми пластинами, укрывающими щеки до подбородка, хорошо проработанные кирасы с затейливым барельефом, закрытые металлом плечи, однако бицепсы и трицепсы должны оставаться голыми вплоть до латных рукавиц.

Из стены к нам ведет роскошная лестница: по обеим сторонам сверкают золотом статуи, ступени под дорогим красным ковром, изысканный свет, все намекает на то, что самая главная сволочь там, за стеной, где нет и намека на двери.

Я остановился, демоны сгрудились за мной, я видел откровенный ужас на их мордах, в их согнутых фигурах. Даже запах страха стал ощутимым и тяжелым грузом ложится на плечи.

Справа и слева от лестницы грозно блестят металлические статуи рыцарей такой древней эпохи, что я ощутил благоговейный страх. Чувствуется то ли Месопотамия, то ли Гиксосия... нет, тут скорее уж атланты или лемурийцы из Гондваны, слишком нечеловеческое, словно отливали или ваяли не люди, а продвинутые до вершин неандертальцы, что вообще-то люди, но не совсем, не совсем...

И хотя надо зыркать по сторонам, я оступело смотрел в металлическое лицо статуи.

– Это кто? – спросил я.

– Это древнее, – поспешно ответил Плантагенет. – Это самое древнее, что найдено.

– Просто украшение?

– Да, – ответил Плантагенет.

– Да, – подтвердил другой демон.

– Да, – сказал еще один и замер, раскрыв рот.

Стена вспыхнула белым слепящим светом. Раздался треск, из верхней части, почти под высоким сводом, выпал огромный кусок. Трепет пробежал по моим нервам, по ту сторону стены блещет неземной свет, белый огонь звездных температур, быстро появляются и мгновенно пропадают странные структуры.

Пахнуло жаром, из белого огня вышел высокий поджарый человек. Одежда полыхает жарко, как и вся кожа, но едва сделал два шага, огонь погас, лохмотья превратились в безукоризненный камзол и синие брюки, даже на сапогах ни следа огня. Лицо, черное и потрескавшееся, как древесный уголь, казалось страшнее смерти, но угольно-черные и глубокие трещины исчезли, словно сильным ветром сдуло черноту.

Он был все так же холоден и сдержан, только вздувшиеся желваки и океан ярости в глазах выдавали его чувства.

– Так вот какое существо, – проговорил он шипящим, как у Плантагенета, голосом. – Долго же тебе везло.

– Повезет еще больше, – пообещал я.

– Твое везение кончилось, – бросил он.

Я оглянулся, удивляясь внезапной тишине. Все мои демоны застыли, как статуи, на некоторых уже выступил иней.

– Прекрасно, – сказал я дрогнувшим голосом, – спасибо, это идеальная обстановка. Никто не мешает, можем спокойно приступить к переговорам...

– Что?

– Я хотел бы выяснить, – сказал я, – что вы из-под меня хотите, преследуя с таким маниакальным упорством, несолидным для такого... гм... с виду неглупого человека... Мы могли бы сотрудничать к обоюдной пользе...

Красные глаза колдуна, где нет ни зрачка, ни сетчатки, а глазное яблоко целиком как раскаленный уголь из костра, вспыхнули, на лицо пал багровый свет. Я содрогнулся от ощущения недоброй силы. Он начал говорить, и я видел, как разгорелись и запылали огнем крылья носа, а изо рта начали вылетать сперва клубы дыма, а затем и огня.

– Ты посмел... Ты посмел...

– Я лишь предложил переговоры, – сказал я, защищаясь. – Вы можете предъявить свои условия, я – свои, обсудим, поговорим...

Я ожидал, что с этой самой высокой ступеньки лестницы, под самым сводом, начнет спускаться медленно и величественно, подавляя меня величавостью и державностью движений, однако он моментально превратился в гигантскую летучую мышь размером с летающего быка.

Моя пальцы сжали болтер, но маг пронесся над моей головой с такой скоростью, что я услышал только, катясь кубарем, жуткий щелчок страшных челюстей над головой.

Куда он исчез, я не видел, а когда вскочил и хотел выстрелить вслед, под высокими сводами звучал лишь дьявольский хохот.

– Ничтожество!.. Что ты можешь?

– Я пришел на переговоры не с пустыми руками, – заверил я быстро.

– Переговоры? – прогремел голос. – Для этого ты ломал мой прекраснейший из дворцов?

– Так всегда делается! – объяснил я. – Чтобы облегчить взаимопонимание... Предварительная подготовка с элементами силовой акробатики. Это мировая практика, не я ее придумал...

Он крикнул обрекающим голосом:

– Сейчас ты умрешь!

– Не спеши! – вскрикнул я с возмущением дипломата. – Мы же только начали мирный диалог...

Глава 8

Страшный удар из пустоты обрушился в мою челюсть. Я отшатнулся, рот наполнился кровью, в голове помутилось. Второй удар бросил меня на землю, я уже увидел призрачное тело, бьет кулаками с надетыми на пальцы кастетами, мог бы как-то иначе, но не хочет отказывать себе в удовольствии уничтожить врага лично, чтобы ему было больно и страшно, чтобы хрипел и выплевывал выбитые зубы...

Я пытался отбиваться, но эта сволочь с крыльями все делала неправильно: вместо того чтобы двигаться медленно и неуклюже, она наносила быстрые и неожиданные удары. Когда я полетел вверх тормашками и без сил распластался у дальней стены, Верховный Маг, вместо того чтобы победно расхохотаться и начать подробно рассказывать, как он будет меня мучить перед смертью, а также где у него уязвимые места и как бы я легко мог бы его победить, если бы не был полным дураком... он просто прыгнул на меня и прижал к полу всей многотонной тушей.

– Ну что, – просипел я, задыхаясь, – ты уже готов идти на уступки в переговорах?

Он захохотал, запрокидывая голову с мертвенно-белым лицом.

– В твоём ли положении?

– Всегда можно... отыскать... консенсус... – прохрипел я.

– Это что такое?

– Сторговаться, – объяснил я. – Я, например, оставляю тебе жизнь, а ты передаешь мне замок, подчиненных тебе демонов, регалии, рычаги власти.

– Ох-хо-хо... А что остается мне?

– Катиться к дьяволу, – прошептал я.

Он захохотал, я ждал смерть, дураков надо убивать и тем самым чистить землю от уродов, но маг прошипел мне прямо в лицо:

– Ключ!.. Быстро давай ключ!

– Ключ? – переспросил я. – Ты так бы и сказал!.. А то я все думаю, чего ты такой злой...

– Ключ, – прошипел он яростнее и сдал мне горло. – Сейчас ты умрешь...

– А ты не получишь ключ... – пискнул я.

– Я все равно его получу, – прошипел он злее.

– Но ты мог бы получить сразу, – ответил я задумчиво. – Не спеши, мы же деловые люди. Война – это всего лишь продолжение политики другими средствами. Давай говорить, спорить, вырабатывать общие принципы, на которых можем прийти к консенсусу... Взаимно выгодно, что немаловажно... Ладно-ладно, выгодным только тебе, я не спорю, раз твоя позиция несколько лучше, но и я должен получить... хотя бы свою шкуру, ты не находишь?.. Кстати, какой именно ключ ты имел в виду?

Стальная фигура за его спиной смотрела прямо на меня. Мне показалось что-то особое в том взгляде и в озарении, что может прийти только в момент, когда сознание уже мутится от недостатка кислорода, вспомнил кольцо, которое бодибильдерша называла Талисманом Талисманов, сжал челюсти и велел этому монстру из стали и металла подойти и схватить этого гада, что душит меня, как какой-то пьяный гад из подворотни.

Металлическая статуя шевельнулась. Вместо того чтобы подойти, у нее удлинились руки. Я уже хрипел, в глазах потемнело, затем давление на глотку исчезло.

Я потряс головой и увидел, что маг бьется в объятиях стального монстра. Моя грудь ходит ходуном, с сипом и хрипами прокачивая цистерны воздуха.

Глаза мага лезли из орбит, то ли из-за цепких рук стального человека, то ли от безмерного удивления.

– Талисман Талисманов... – прохрипел он. – Только он может... Неужели... у тебя?

– У меня много всяких диковин есть, – ответил я почти так же хрипло и пощупал горло. – И покруче.

Он барахтался, сипел:

– Дурак... мальчишка... Зачем все разнес, если у тебя Талисман Талисманов...

– Люблю ломать, – сообщил я. – Молодой ишшо.

– Мальчишка...

– Из мальчишки что-то да вырастет, – сказал я, – а вот дурость разве что лоботомией?

Он перестал барахтаться, лицо стало успокаиваться, в глазах появилось новое выражение, которое мне очень не понравилось. Губы шевельнулись, он сказал всего три слова, в его ладонях появился огненный шар.

Я успел увидеть триумф на его лице, инстинктивно сжал болтеры. Его тело задергалось под тяжелыми ударами стальных штырей. Из рта хлынула кровь, я торопливо сжимал металлические цилиндры, выпустив еще с десяток зарядов, что прошили тщедушное тело и вошли по самые шляпки в стального монстра, украсив его великолепными звездочками заклепок.

Сердце мое колотится в страхе так, что едва не выскакивает. Еще чуть-чуть, и маг сумел бы освободиться, а то и прихлопнуть меня, как муху.

Пальцы стального воина сжались, шея мага хрустнула. Я мысленно повелел ему, как властелин Талисмана Талисманов, отпустить жертву. Верховный повалился на пол и скрючился, подогнув колени. Голова оставалась вывернутой под неестественным углом. Под ним сразу образовалась огромная красная лужа.

Демоны начали шевелиться, затрещало, на пол посыпался иней и мелкие льдинки. Вбежали Макиннот, Плантагенет, несколько мелких моих союзников, но на пороге застыли, в ужасе и благоговении глядя на бездыханное тело того, кто недавно повелевал демонами.

Доспехи Макиннот страшно изрублены и в красных пятнах, он то и дело опирается на демонов, которых так страшился совсем недавно. Левая рука висит вдоль тела, в правой меч с выщербленным во всю длину лезвием и в крови по самую рукоять.

– Великий Маг... – прохрипел он, – ...убит?

– Да, – ответил я угрюмо. – Он слишком много знал.

Серфик пискнул:

– А вы, повелитель?

– Я знаю больше, – ответил я с печальной гордостью. – Это называется дарвинизмом, или естественным отбором. Сожгите труп немедленно, а пепел развейте.

Плантагенет сорвал с безжизненных пальцев мага кольца и протянул мне:

– Это ваши, повелитель.

– Да зачем они мне? – ответил я вяло.

– Возьмите, – сказал он настойчиво. – Этим вот он всех заморозил... А вот в этом сила самого мага.

Я машинально принял, хотел сунуть в карман, но демон настойчиво старался одеть мне на пальцы, и я держал их растопыренными, пока он нанизывал одно за другим. К счастью, кольца тонкие, все можно собрать на одном пальце, но демон распределил их мне на обе руки.

– Спасибо, – кивнул я. – Жаль, что такую силу получаю, когда мне нужна совсем не сила. Ну да ладно, я хозяйственный.

Глаза Макиннот начали закрываться, один из демонов подхватил его, я торопливо возложил ладонь на лоб виконта. Он вздрогнул, глаза распахнулись, взгляд был диким.

– Что?..

– У нас так, – сообщил я. – Но из погибших возвращаются только демоны.

Плантагенет напомнил устало:

– Мой повелитель, ты говорил насчет капитуляции...

– Увы, – ответил я, – он ее отверг.

– И о заключении мирного договора...

Я развел руками.

– У меня бывают и неудачи.

Макиннон нервно хохотнул:

– Это называется неудачей?

Он все ощупывал свое тело, сжимал в кулак левую руку и рассматривал ее с любовью и нежностью. Я не успел ответить, раздался жуткий треск, по высокому каменному своду пробежали страшные черные молнии, разделяя его на исполинские глыбы.

– Бежим! – крикнул Пантагенет, но сам не сдвинулся с места, глядя на меня.

– Все уходим! – закричал я.

Ноги мои, мгновенно налившись силой, бегом понесли к выходу. Стены трескали и шатались, прямо передо мной грохнулась глыба, осколки брызнули, как мелкие серебристые рыбешки, одна больно укусила в ногу.

Я несся к выходу, с ужасом видя, что не успеваю, там уже шатается свод, массивные глыбы выскользнули из гнезд...

Обогнав всех, впереди оказался огромный демон с синеватым телом, словно кожа из хорошей стали. Он встал в проходе, подставил спину под рушившиеся гранитные плиты и держал, пока мы проскакивали мимо.

Я слышал, как трещат его кости, надсадное дыхание, и уже когда выскакивали из ловушки, донесся страшный крик смертельной муки, когда тяжелые блоки сплющивали и размалывали его тело.

Знакомо ли демонам самопожертвование, мелькнула потрясенная мысль. Или это понимание, что с моей гибелью все будет напрасно?

Запыхавшиеся, измученные, мы тяжело дышали и со страхом оглядывались на мрачную громаду крепости. Тяжелый грохот затихал, она осталась выситься над нами почти такая же жуткая, неприступная и вызывающе подавляющая одним своим видом. И почти незаметно, что ее только что захватывали и перебили там не только посуду.

– Отойдем подальше, – прохрипел я. – От греха... А то еще рванет...

Демоны, ковыляя и поддерживая друг друга, гурьбой двинулись по мощеному двору, заваленному обломками и телами погибших, выбрались на чистое пространство, куда не докатились глыбы.

Я спускался по холму, хромая и подволакивая ноги, хотя все раны залечил, сбоку идет Макиннон, сдерживаясь изо всех сил, чтобы не опередить, с нами четверо уцелевших демонов, тоже побитые, израненные и угрюмые.

– И что теперь? – спросил Пантагенет на ходу. – Мой повелитель, ты займешь место Верховного Мага?

Демоны шли справа и слева, поглядывали в угрюмом ожидании. Я видел в их нечеловеческих глазах, что да, конечно же, я так и поступлю. Все так поступали везде и всегда. Победитель всегда занимал захваченный трон. И начинал править «справедливо и милостиво», как он повелевал именовать период своего царствования.

– Я – новый человек, – ответил я. – Вы же поверили, что я отпущу всех на свободу? Даже не отпущу, слово какое-то поганое, словно вы мои рабы... Я просто верну вам вашу свободу, которой вы временно лишились.

Их выражения лиц и глаз почти не изменились, в момент победы так говорил, возможно, не только я. Но когда проходил этот щедрый миг упоения победой и своей добротой и властью, у любого начинала шевелиться гнусенькая мыслишка: как, зачем, почему отказываться добровольно от такой безмерной власти?

– А замок, – закончил я жестко, – уничтожим! Весь. Со всеми его диковинами. Сейчас все организовано и без паники, как при пожаре, покидаем это проклятое место!..

На западе догорает кровавый закат, небо должно бы стать темно-синим, но почему-то бледно-прозрачное, растерявшее безмятежную голубизну, медленно переходит в загадочно-зловещую фиолетовость.

Первые звезды еще не проступили, но бледная луна уже высоко в небе озирает мир, где вскоре засияет в полную недобрую мощь.

Я всей грудью вдохнул свежий воздух, мелькнула мысль забрать хотя бы металлического стража, что спас мою шкуру. Раз из самых древних эпох, то может хранить какие-то необыкновенные тайны, но взял себя за горло и велел не хитрить и не искать лазеек.

Пока спускались с холма, демонов с нами стало втрое больше. Одни выглядят радостными, другие бредут с понурыми головами. Я не понял, почему так, что с ними, но подлетел Серфик и пропищал:

– Это уцелевшие демоны Великого Мага.

Я спросил с недоверием:

– Не погибли?

– Перестали сражаться, – объяснил Серфик, – как только ощутили, что их повелитель погиб. А мы их убивать не стали. Твоего повеления не было.

– Это хорошо, что не было, – пробормотал я, хотя что-то вроде бы орал в кроважадном азарте насчет пленных не брать, но эти не сражались, так что все правильно...

– Что с ними делать, хозяин?

Я оглядел понурившихся демонов. Не больше десятка, вряд ли среди них особо ценные экземпляры, самые сильные были брошены защищать крепость, они все погибли, забрав в свой ад почти всех моих героев.

– Это пленные, – сказал я размышляюще, – потому к ним и надо бы, как к пленным. Не парашютистам или партизанам, а рядовым вермахта. С другой стороны, сражались с нами потому, что не могли не сражаться. Они даже не наемники, их заставляла чужая воля. Потому как врагов их рассматривать не будем.

Я оглядел их, подспудно ожидая воплей ликования и восторга, а также прочих изъятий народного счастья, однако демоны смотрели на меня тупо, как рабочие волю, словно не понимали моих слов.

Плантагенет повернул голову в мою сторону, взгляд его круглых, как у орла, глаз был мрачен, а тонкие губы стиснулись в тонкую линию.

– Что-то не так? – спросил я.

– Не верят, – сказал Плантагенет кратко.

– Это вижу, – произнес я невесело, – ладно, все поправим. Ладно, а сейчас ввиду радостного события, что черный властелин повержен... это неважно, что блондин и ходил в белой тоге, отныне он Черный Властелин, свергнутый революционно настроенным народом... так и внесут в анналы... да, о чем это я с таким вдохновением... словом, объявляю амнистию. Это значит, что эти вот получают настоящую свободу. Как и все те, кто сражался со мной плечом к плечу за свободу, демократию и прозрачные выборы.

Плантагенет спросил тихо:

– Свободу?... Сейчас?

Я вздохнул.

– Завтра. Извини, но малость нечестно, если получите свободу раньше тех, кто героически погиб, приняв на себя первый удар мерзкого Черного Властелина. За сутки, как мне объяснил Серфик, они все восстановятся в вашем багровом океане. Я призову всех! Сперва получают свободу они, потом вы. Даю слово паладина.

Он повторил тупо:

– Паладина... А что это?

– Завтра узнаете, – пообещал я.

Макиннон зыркнул по сторонам опасливо, сказал мне почти шепотом:

– Сэр Ричард, я все понимаю... но все-таки...

– Что вас тревожит? – спросил я настороженно.

– Сэр Ричард, а надо ли уничтожать замок?..

– А почему нет?

Он сказал быстро:

– Это же такая мощь!.. Если вам восхочется поразвлечься светским кавалером, то всегда можете в Люнебург... или в другие города, а крепость на это время оставить закрытой. Запечатанной!.. Теперь у вас такая власть над этим местом, отныне все в нем подчиняется вам!.. Вон тот зеленый с рогами на спине надвинул вам на палец кольцо абсолютной власти над крепостью, я ж сам видел...

Я ощутил, что колеблюсь, в самом деле, только дурак расстанется с такой мощью и такой властью, да еще в мире, где всяк норовит сожрать тебя, но, с другой стороны, такая безмерная власть... я не скажу, что я слабый, я ого-го, железо, но все-таки это уведет меня в сторону. Далеко-далеко.

– Надо, – ответил я со вздохом. – Мало ли, что мне до боли в печенках не хочется лишаться такой мощи? Увы, сэр Макиннон... надо.

Он смотрел непонимающе.

– Почему? Почему, сэр Ричард?

– Хочу или не хочу, – ответил я, – это мои личные желания. Надо – это нечто более высокое. Я этого никогда не любил и не признавал, я же личность, у меня свои законные желания, и весь мир должен их признавать и считаться...

Он смотрел ясными глазами, на его открытом лице я видел отражение своих прежних мыслей и желаний, мол, а как же еще, и я закончил уже совсем упавшим голосом, морщась, что говорю зря, Макиннону это пока что горохом о стенку, ну, как совсем недавно было бы мне:

– Этому «надо» подчиняем свое крохотное «я». Потому все марш от холма!.. А то какая глыба докатится, пальцы оттопчет.

Отодвинув Плантагенета, передо мной остановился сильно хромающий демон, лысый череп в наплывах ржавого железа, словно застывшая кровь, один глаз вытек и смотрит на меня с укором пустой глазницей.

– Повелитель... – прорычал он таким низким голосом, что я ощутил инфразвуковой удар, – крепость велишь разрушить?

– Да, – ответил я. – До основания. Если сумеем, конечно. А затем... затем будем думать, правильно ли сделали.

– Тогда повели ее разрушить мне.

Я окинул его внимательным взглядом. Самый могучий из уцелевших, он все-таки изранен, устал и потому вдвое меньшего роста, чем был вначале.

– Справишься?

Он ответил глухо:

– Теперь там нет защитников.

– Действуй, – распорядился я. Демон медлил, я сказал нервно: – Ломай все к черту, пока я не передумал! А то так хочется поверховномагствовать!

Демон начал раздуваться, ноги тоже удлинились. Неуловимо быстро взбежал по холму, все еще вырастая в размерах, достиг донжона, длинные лапы обхватили здание.

Рядом со мной потрясенный Макиннон замысловато выругался. Очертания демона стали расплываться, он потерял форму, вокруг донжона появилось серое облако, почти незаметное на фоне наступающей ночи. Раздался жуткий нечеловеческий рев. Над крепостью взвился густой черный дым, словно загорелись нефтяные склады. Устрашающе ярко взметнулись баг-

ровые языки огня, огромные настолько, что каждый сжег бы целый город. Дым и огонь становились все гуще и страшнее, чья-то рука в немыслимой злобе скручивала черно-багровое пламя в исполинский жгут. Проглянуло жуткое нечеловеческое лицо, пустые глазницы, однако новый взрыв огня разметал дым, тот разбился на отдельные, быстро поднимающиеся к небу столбы.

Макиннотон в испуге оглянулся в сторону Люнебурга.

– Этот пожар заметят все!

– Думаешь? – усомнился я.

– Сейчас там весь народ лезет на крыши, – заверил он, – и на городскую стену! Да что увидишь, кроме стены огня до самого неба!

– Пусть смотрят, – сказал я недобро.

– Пусть, – согласился он злорадно.

Вершина крепости взорвалась, будто выстрелил могучий вулкан, которому толстая пробка лавы затыкала жерло тысячи лет кряду. В небо ударил мощный столб оранжевого огня. Взлетели гранитные куски стен, а багровое облако поднялось к небу и начало шириться, как шляпка исполинского гриба.

– Уж точно заметят, – прошептал Макиннотон заворуженно. – И не только в Люнебурге...

– Пусть смотрят, – повторил я. – Пусть видят и мотают на ус.

Он оглянулся на меня, глаза странно блистали.

– А что сделаем мы?

Я буркнул:

– Воспользуемся, что еще?

Столб огня бил и бил в небо, словно победно горит подземное нефтяное море. Небосвод раскалился, багровая лава прилипла к нему и расплывается вширь, грозя сжечь весь небесный хрусталь. Звезды померкли, их заливали и погребали под собой расширяющиеся пурпурные волны.

Макиннотон судорожно вздохнул, на лице я видел откровенный страх, как бы небо не обрушилось на землю. Думаю, что по всему королевству сейчас молятся и ждут конца света.

Но огонь постепенно становился тише, наконец исчез, а дым развеялся. На вершине холма осталась груда дымящихся развалин. Я ощутил запоздалый укол при виде переплетения исполинских металлических балок, оплавленных и покореженных, такая мощь потеряна, а мог бы... но сделал бодрое лицо и сказал еще более государственным голосом:

– Гнездо единовластия разрушено гуманизмом!.. Да воссияет заря свободы, братства и эгалите!.. Молодец этот демон. Надо бы ему рукопожатие перед строем, похлопать по плечу, а то и награду какую за службу Отечеству, то есть мне, замечательному... Кстати, где он? Предстать перед мои очи, поздравлять буду.

– Он отдал все силы, – ответил Серфик грустно.

– В смысле...

– Чтобы разрушить, он отдал всего себя, – пояснил он. – И умер.

– Ну да, – пробормотал я, – вы же все умеете себя в чистую энергию... Черт, нехоти я с поздравлениями, дурак. Ладно, завтра увидимся и с ним тоже.

Серфик пропищал в ухо:

– Господин! Ваши рабы просят позволения уничтожить даже холм Поработителя Демонов.

Я повернулся к демонам, своим и недавним пленным, все истерзаны, стали вполонину меньше, но у тех, кто служил Верховному Магу, вид решительный и злобный.

– Еле дышат, – сказал я. – Сил хватит?

– Тоже ценой жизни, господин, – ответил Серфик серьезно. – Они очень не любят это место.

Я покачал головой. Демоны в течение суток возрождаются, но для того, чтобы берегли жизнь, эти сутки проходят в таких муках, что не всякий человек согласился бы вообще возрождаться.

– Они сами того хотят?

– Если ты захочешь, – уточнил он.

– Мало ли что я хочу, – возразил я. – Они соратники, а не рабы!

– Но они выполняют все...

– Хорошо, – сказал я с чувством вины. – Только если сами того хотят. Я просто не могу просить такой услуги.

– Господин, это их желание тоже!

– Тогда пусть действуют.

– Скажи им!

Я повел дланью.

– Повелеваю уничтожить и этот холм, сровняв его с землей. Да будут на этом месте со временем поля, сады и пусть мирно пасется крупный и мелкий рогатый. И куры.

Двое демонов превратились в вихри, остальные – кто стал огнем, кто водой, кто вообще изменился в чудовищных землеройных насекомых. Призрачные вытянутые тела демонов вихря уже метнулись к холму. Мы с Макинноном вытянули шеи, некоторое время с холмом ничего не происходило, затем земля начала проседать, быстро и неприятно позеленела, похожая на исполинскую болотную кочку.

Холм опускался все быстрее, наконец провалился, будто в воду. На миг образовалась широкая темная воронка, я затаил дыхание, почему-то казалось, что в земле так и останется непонятная жуткая дыра.

Через полминуты мучительного ожидания мы увидели мощный всплеск горячей грязи. Пахнуло серой, из дыры с жутким клекотом поднималась кипящая земля. Мелкие гейзеры выстреливают фонтанами кипящей воды, все заволкло уже не дымом, а паром.

Ветер усилился, стену пара сдвинуло и рассеяло. Жуткая дыра заполнилась тяжелой вязкой землей, на глазах застывает, выглядит исполинской ловушкой.

Я ощутил себя в полнейшем одиночестве, несмотря на сочувственное сопение за спиной потрясенного Макиннона.

Ни один из демонов не вернулся.

Глава 9

Небо очистилось от дыма, снова сияют по-южному крупные звезды, земля остывает, над миром царит прохладная и вместе с тем душная ночь. Сильнее запахи ночные цветы, налетели светлячки и понеслись густым роем в сторону исчезнувшей горы. Луна, бледная от увиденного и пережитого за своего адепта, залила мир мертвым, но необыкновенно ярким светом.

Весь мир мертвенно бледен, пугливо тих и выжидает, что же грянет дальше. Первыми далеко-далеко заквакали отважные жабы, затем пошли их трели, наконец, затрещали кузнечики, а ночные бабочки, мохнатые, как воробьи, полетели стаей по пути, проложенному в воздухе светлячками.

– Хреновый из меня Гилель, – пробормотал я. – Срываюсь, как Уго Чавес. Нет чтобы поддакнуть старшему... а я сразу в рыло! Теперь самому неловко.

Макиннон оглянулся на болото с жидкой землей, снова посмотрел на меня, уже с великим изумлением и непониманием.

– Неловко? За что?

– Я ж мириться шел, – напомнил я. – Уладить взаимонепонимание. Умные с умными не дерутся, как и демократы, это аксиома. Кто-то из нас вроде дурак. Но не я же? Ну и что, если Верховный презирал меня и считал сопляком? Я мог бы переубедить как-то мягше, мягше... Нельзя же сразу вот так неинтеллигентно! Я же гуманист и за вывод войск. Медленно и терпеливо можно бы...

Он сказал предостерегающе:

– Так он бы и дал вам это медленно и терпеливо.

Я вздохнул:

– Вы правы, сэр Макиннон. Злая и несправедливая жизнь подталкивает нас к неприятно верным решениям. В смысле, к упреждающим ударам. Но что сделано, то сделано. Кстати, вы показали себя с самой лучшей стороны. Признаюсь, я сомневался в вас, но теперь доверяю вполне, вполне. Возвращаемся победителями. Вы понимаете, что это значит?

Он подобрался, в глазах хищный блеск.

– Да, сэр Ричард! Есть, сэр Ричард! Будет сделано, сэр Ричард!

– Не переусердствуйте, – предостерег я. – Виконство, конечно, смените на баронство или графство, еще там что-то прихватите по мелочи, но не нарушайте баланс производственно-экономических сил. Это главное. И вообще, не нарушайте... слишком.

Он гаркнул рьяно:

– Слушаюсь, сэр Ричард! Осмелюсь напомнить, я дружен с бароном Эльрихом, а он о вас очень высокого мнения. Барон очень осторожный человек и подскажет мне, что делать, чтобы не вызвать недовольства.

– Отлично, – ободрил я. – Действуйте.

Судя по трем пойманным им коням, кавалькада горе-охотников удирала из этих мест, кто пешком, а кто на четвереньках. Испуганные кони хоть и брыкались, сбрасывая хозяев, но когда демоны исчезли, а крепость и гора провалились под землю, дисциплинированно вернулись на место, где теперь их и переловил Макиннон.

Он бегом подвел мне вороного, себе взял буланого, на лице виконта я увидел злорадную ухмылку.

– Вот этот, – сказал он с нехорошей радостью, – принадлежит графу Бэкдорфу!

– А коня леди Элизабет нет? – спросил я с беспокойством.

– Нет, – ответил он. Заметив тревогу в моих глазах, пояснил торопливо: – Если ее конь и убежал бы, любой отдаст ей своего! А вот граф наверняка неся отсюда со всех ног пешим.

– Его не жалко, – согласился я.

– Вот и я о том. Верну ему коня, перед всем двором опозорится!
– Правда? – спросил я с интересом. – Я думал, главное – флирт.
– Главное, – подтвердил Макиннон. – Но когда не с кем?
– Понятно, – согласился я. – Хорошо, теперь в Люнебург! Только ничего не рушить, понятно? Рушить я и сам умею. А вот строить вас еще учить буду... Может быть, и сам тогда научусь. Вперед – и с песней!

Макиннон, вот уж истинный служака, тут же в самом деле бодро затянул лихую походную. Жаль, демонов нет, я бы велел подпевать. Макиннона такие мелочи не смутят: сюзерен велел петь – значит, петь хорошо и правильно.

Сверкающие в лунном свете стены Люнебурга быстро приближаются, Макиннон посмотрел на меня и захлопнул рот. Я кивнул благосклонно.

Он угадал, пусть наше возвращение выглядит более торжественно-зловещим.

Над воротами яркий свет, словно от люстры с тысячью свечами, но стражей наверху не разглядеть, свет падает вниз, освещая всех, кто приближается вот так в ночи. Копыта стучат грозно, хотя нас всего двое. Ворота заперты, но не успели мы приблизиться, как обе створки с неприличной поспешностью и как-то даже трусливо пошли в стороны.

Макиннон понимающе хмыкнул, приосанился. Вид у него такой, что, если бы не открыли, вышиб бы пинком, а потом еще и стражей размазал по городской стене.

Въезжали мы медленно и грозно, суровые и неотвратимые, как наступление ледникового периода. Макиннон выпячивал грудь, крутил усы и смотрел орлом.

Стражи поспешно убрались от ворот, я покосился на их испуганно-почтительные рожи. Со стен не разглядеть, что происходило на горе Верховного Мага, но жуткий столб огня и дыма там нельзя не заметить. Даже сейчас хорошо видно, что отныне нет никакой Черной Горы: раньше заслоняла кусок неба.

Макиннон сказал негромко, едва двигая губами:

– Они видят, откуда мы едем. Думаю, гонца к Его Величеству уже послали.

– О нашем возвращении? – спросил я так же тихо.

– Нет, когда вы изволили начать штурм. А сейчас, да, тоже послали. Вон из той сторожки выметнулся один на быстром коне. Как только мы подъехали к воротам.

– И, конечно, уметелил в сторону дворца?

Он ухмыльнулся.

– Там такое начнется... Мы прямо следом?

Я подумал, покачал головой.

– Неопределенность пугает больше. Сперва к герцогу. У меня к нему... теплые чувства.

Город не спит, чувствуется, но народ с улиц исчез, только к звонкому цокоту подков по булыжнику однажды добавился грохот подкованных сапог городской стражи, однако они исчезли, как тени, хотя должны были, по идее, загородить нам дорогу.

По узкой улочке мы пронеслись, едва не задевая стремянами ставни, к той, что пошире, там светлее. Сонно гавкнули собаки из подворотен, во дворах темно, однако в щели между ставнями почти везде просачивается свет.

Впереди море света, дворец герцога Людвига умело подсвечен как огнем из бочек, где полыхает цветная смола, как и магическим пламенем, признак могущества и родовитости.

У ворот, что ведут в просторный двор герцога, целая группа вооруженных до зубов воинов. Мы подъехали, придерживая коней, солдаты растерянно пятились, выставя перед собой копья и поглядывая на командира.

Макиннон, чванясь и задирая нос, сказал ему громко и очень отчетливо:

– Сэр Гриннер, вы неплохой служака, но... если посмотрите во-о-он в том направлении... Эх, стены загораживают, то увидели бы там крепость самого могучего из всех магов на свете...

Эх, что это я говорю? Нет там больше никакого мага. И крепости отныне нет! Сэр Ричард с армией демонов, которых свет еще не видел, разнес крепость колдуна, поразил его своей недрогнувшей рукой, а затем и всю гору одним мановением опустил в преисподнюю!

Офицер медленно бледнел, тупо таращил глаза.

– К-к-к-как это м-м-м-огло пр-р-роизойти?

Макинنون сказал весело:

– А восхотелось сэру Ричарду смести с земли Верховного Мага и самому побыть им. Просто так, ради интереса. Сейчас он добр ввиду победы, хоть и пустяковой для него, но доброты... может продержаться недолго. Вы меня поняли, сэр?

Последние слова он произнес настолько угрожающим тоном, что офицер и его солдаты только мгновение смотрели на него оторопело, затем их как ветром сдуло.

Макинنون победно усмехнулся, мы проехали в ворота. Из окон построек высывались головы прислуги и челяди, но никто не выскочил, никто не сказал ни слова, что во всегда шумном и веселом дворце герцога как-то непривычно.

Мы пересекли огромный двор, Макинنون ворчал, что это уже слишком, здесь всегда было так красиво и празднично, ну нельзя такую красоту рушить даже из государственной необходимости.

На меня он посматривал вопросительно, стараясь угадать ход моих мыслей.

На ступеньках у входа во дворец расположились четверо гвардейцев. Один держал в руках стаканчик с игральными костями, трое следили за нашим приближением. Я полагал, что попробуют воспрепятствовать, но они лишь вытянулись и уставились испуганными глазами.

– Что, – проговорил Макинنون почти ласково, наслаждаясь положением, – уже почуяли, где жареным пахнет?... Видели, как почистили от вас ворота?... Ладно, ребята. Сэр Ричард ввиду победы над Верховным Магом... и ввиду, что отныне он теперь Верховный Маг... прощает вашу дурь и не станет превращать вас в жаб. Бегите, пока он не передумал.

Гвардейцы прыгнули с крыльца, как борзые, а улепетывали быстрее зайцев.

Я сказал с неудовольствием:

– Ну что ты заладил про Верховного Мага? Не собираюсь я в маги. Неинтересно. У меня и бороды нет.

Он сказал торопливо:

– Это фигура речи!.. Чтоб их проняло до печенок. А разве вы не Верховный Маг?

Я ощутил недоговоренное, пахнуло некоторым холодком прямо из воздуха, сказал с хмурым достоинством:

– Я не только Верховный Маг. Я кое-что и покруче, понятно?... Но сейчас я просто изволю быть простым и даже очень простым маркизом.

Он воскликнул с преувеличенным восторгом:

– Это я понимаю!.. Как на карнавале! Когда король в костюме пастуха, а потом р-р-раз – и снимает маску!..

– Вот-вот, – согласился я. – Уже теплее.

Оставив коней у ступеней, мы прошли через пустой холл, в таком же пустынном зале к нам торопливо вышел и поклонился церемониймейстер. Я направился дальше, но Макинنون вскричал:

– Это, послушай! Доложи герцогу, что явился Верховный Маг королевства Гессен, маркиз... остальные титулы можешь пропустить, но сделай паузы, чтобы было понятно, что они есть и что они очень даже... Понял?

Церемониймейстер бледнел и вздрагивал, а когда исчез, я сказал с неудовольствием:

– Кончай пугать народ. Больше ни слова о Верховном Маге!

Он сказал торопливо:

– Да-да, конечно. Теперь уже все и так узнают.

– Пойдем, – сказал я, – до покоев герцога еще далеко, заморимся.

– Я за вами, сэр Ричард, – с готовностью ответил Макиннон, подчеркивая каждым словом и жестом, что за мной в огонь и воду. – Я вас не оставлю!

Я шагнул к лестнице, но из бокового зала быстро простучали каблучки. Выбежала удивленная леди Элизабет, ахнула:

– Сэр Ричард? Это вы?

– А вы думали, призрак? – ответил я. – Пощупайте, чтобы проверить. Везде щупайте, не стесняйтесь! Это модно.

Она даже не обратила внимания на грубость. Прекрасные глаза были полны тревоги.

– Сэр Ричард!.. Как вы?.. Последнее, что я видела, как вы на ужасающем коне, что не конь вовсе, повели армию уже более ужасных, просто ужасных существ на штурм крепости Верховного Мага!.. А сейчас вы... живы?

Я отмахнулся с неловкостью:

– Да удалось договориться.

– Договориться? С Верховным Магом?

– Ну да, – подтвердил я. – Я всегда стараюсь договориться. Я очень мирный человек, леди Элизабет. Войны нерентабельны. Любого человека, как и страну, куда проще ограбить без всяких войн!.. Кстати, как там поживает граф Бэкдорф? У нас с ним неоконченное дело...

Она посмотрела на меня одновременно испуганно и гневно. Усекла сразу, что я неуклюже стараюсь поменять тему разговора, но выпрямилась и ответила сдавленным голосом:

– С вашей стороны нехорошо так говорить.

– Почему? – изумился я.

– Нехорошо глумиться над заведомо слабыми, – сказала она с вызовом и посмотрела мне в глаза: – Или вы считаете не так?

Я пристыженно опустил голову.

– Признаюсь, уели. Даже мордой о стол со всего размаха. Надо же, как-то не думал, что такая красотка окажется способной на...

Я замолчал, а она спросила с вызовом:

– На что?

– Встретил красивую, – пробормотал я, – оказалась еще и умная... Даже не знаю, сразу ли утопиться? Или с башни на камни двора под вашим окном?

Она поморщилась:

– Не валяйте дурака. Даже если в самом деле прыгнете с башни вниз головой, эти ваши чудища вас на лету подхватят. Я видела, как перед вами склонился огромный и ужасающий демон! А вы, подумать только, сели на него...

Я охнул:

– Вы что же... все видели?

Она сказала слабым голосом:

– Не все. Наши кони в страхе убежали. И слуги тоже...

– А вы? – спросил я.

– Не могла, – ответила она смущенно. – Граф Бэкдорф упал в обморок. Я осталась, чтобы его не обидели. Потом, конечно, мы убежали тоже...

– Пешком?

– Нет, мне удалось приманить одного коня.

Я посмотрел на нее другим взглядом. Красивая, с нежной кожей и вспыхивающим по каждому поводу румянцем, пухлыми детскими губами, очень сочными и спелыми, прямо созданными для долгих поцелуев, она смотрела на меня чисто и прямо без всякого кокетства, и сейчас нам обоим по фигу, на каком месте у нее мушка.

Макиннон деликатно кашлянул в сторонке.

– Я к сэру Людвигу, – сказал я. – Он... здоров?

– Болеет, – ответила она невесело, – но, думаю, его подбодрит ваше появление.

– Тогда с вашего позволения, – сказал я с поклоном, – поспешим. Сэр Макиннон!

Она осталась, несколько обескураженная, от красивых женщин не отходят даже при известии, что загорелось их родовое поместье или отец сломал шею, упав с коня.

И хотя да, я уже фактически Верховный Маг, но когда она видит меня, то никак в это поверить не может. Что и хорошо.

Мы прошли быстрым шагом к покоям герцога, двери распахнуты, двое стражей жадно прислушиваются к происходящему внутри. Заслышав наши твердые шаги, обернулись и поспешно вытянулись.

– Уже знают, – прокомментировал Макиннон, – по мордам вижу. Попугать их?

– Да ладно тебе...

– Ну люблю пугать народ! Сэр Ричард, мне это так редко удается...

– Тогда пугай, – разрешил я.

Глава 10

Я переступил порог, сразу охватывая взглядом картину: половина свечей погашена, создавая полумрак, сильно пахнет отварами трав и прочих зелий, все пропитано упадком и болезнью.

Герцог Людвиг полулежит в глубоком кресте, толстое одеяло до середины груди, теплый вязанный колпак надвинут по брови. Рядом в таком же кресле дремлет Эйсейбио. Глаза герцога раскрыты, даже широко распахнуты.

Церемониймейстер оглянулся в нашу сторону и пропал, словно рассыпался в пыль.

Я отвесил короткий поклон.

– Сэр Людвиг, вы меня слышите? Мое почтение, кстати... Я чем-то могу помочь?

Он ответил сухим старческим голосом:

– Вы уже помогли, сэр Ричард. Я, правда, ничего не понял из того, что мне доложили, но, судя по всему, вы на коне.

– На белом, – подтвердил я. – Сэр Людвиг, это сэр Макиннон, он был со мной по правую руку, когда мы шли на переговоры с Верховным Магом.

Макиннон щелкнул каблуками и светски поклонился. Герцог окинул его любопытствующим взглядом.

– Я не часто видел этого офицера в светском обществе, но с ним общается барон Эльрих, а это неплохая рекомендация.

Я взял герцога за кисть, слабую и обескровленную.

– Если с ним якшается барон Эльрих...

– Я сказал, общается.

– Неважно, позвольте, я послушаю ваш пульс...

Он сказал с недоверием:

– Маркиз, вы и лекарское дело знаете?.. Великий Самаэль, да мне уже стало лучше!.. Маркиз, что у вас за трюк с этим щупанием моей одряхлевшей кисти?

Глаза его заблестели, на бледные впалые щеки быстро возвращался румянец. Макиннон подошел к двери и, приоткрыв, сдержанным голосом велел ожидающим там слугам подать очень хороший ужин. Да, на четверых. Оглянулся на меня, я подтвердил кивком.

Герцог отшвырнул одеяло, движения достаточно бодрые, покосился на спящего Эйсейбио.

– Племянник всю ночь дежурил возле меня, – сообщил с любовью в голосе. – И весь день.

– А леди Элизабет? – спросил я.

– Она тоже, – ответил герцог, – предыдущие ночи. Но Эйсейбио покрепче. Увы, бедный мальчик тоже свалился...

Двери распахнулись, слуги внесли на носилках холодные блюда. Рожи довольные, губы растягиваются до ушей. Герцог потер ладони и начал указывать, что и сколько положить ему на тарелки. За слугами и герцогом внимательно следил повар и, судя по его лицу, все больше приходил в восторг от аппетита хозяина.

Макиннон, подражая герцогу, внимательно рассматривал предлагаемые блюда, даже интересовался, из чего и как, затем милостиво сообщал, сколько ему положить.

Повар обратил вопрошающий взгляд ко мне, я отмахнулся и сказал, что ему виднее. Он улыбнулся, очень довольный, и на мою тарелку перегрузили то, что удалось ему лучше всего.

Герцог начал есть, как голодный крестьянин, что вернулся с поля. В дверях появился церемониймейстер, посматривал опасливо, но в нужный момент взмахнул рукой, в покои внесли на красных носилках горячие блюда.

Снова повторилась процедура придирчивого выбора, а мне повар положил свое фирменное, не такое затейливое с виду, но нежнейшее и просто тающее во рту. Я посмотрел на него и подмигнул. Он широко улыбнулся, мы друг друга поняли.

Наконец пришла очередь десерта, а за ним, как известно, уже вполне прилично беседовать, я заинтересовался:

– Сэр Людвиг, меня интересует ваша оценка.

– Чего, сэр Ричард?

– Происходящего, – объяснил я.

– Вообще или в частности?

– Вы знаете, что меня интересует, – сказал я. – Не увеливайте и не прикрывайте младшего брата. Меня интересует и необъяснимая смерть короля, вашего среднего брата, и вовремя прибывший ваш младший, и эти королевские стражи у вашего дворца... Вы под домашним арестом?

Он помедлил перед ответом, сказал с большой неохотой:

– Можно сказать, что да.

Церемониймейстер исчез, через некоторое время вернулся и с порога провозгласил громко:

– Барон Эльрих просит его высочество принять его!

Герцог слабо махнул рукой:

– Пусть войдет. Как раз к сладкому.

На пороге появился Эльрих, мы с Макинном поднялись, отвечая на замысловатые приветствия. Макинн украдкой копирует меня, потому на подпрыжки Эльриха лишь отвесил учтивый поклон. Эльрих даже не заметил нарушения этикета, во все глаза жадно и неотрывно смотрел на меня.

Мне показалось, что барон чересчур похудел за это время, бледен, под глазами темные мешки, глаза ввалились, а скулы выпирают, как у проголодавшего пару недель.

– Маркиз... – выговорил он с трудом, – мы не ожидали, что уцелеете в этом ужасном маркизате... Но вы преуспели! И еще как преуспели!..

– Да, все хорошо, – ответил я тепло.

– А это правда?..

Он запнулся, посмотрел на похрапывающего Эйсейбию. Тот, слушая наши бодрые голоса, проваливался в сон все глубже, взбрыкивал и недовольно бормотал.

Макинн подкрутил ус и ответил за меня:

– Все правда, дорогой Эльрих. И даже больше, чем вы знаете.

– Я имею в виду... – сказал Эльрих и запнулся, не в силах выговорить.

Я промолчал, давая Макинну распустить хвост, и тот заговорил с превеликой важностью:

– И Великого Мага по ноздри в землю, и его крепость, и даже гору... Сэр Ричард хотел было заодно и все королевство обрушить в ад, как-то уж заодно все, чтоб не возиться с мелочами, но я его отговорил... ха-ха, вспомнив про винные подвалы нашего любезного хозяина! А вас что-то тревожит?

Эльрих, поблуднев еще больше, смотрел на меня дикими глазами.

– Теперь вы, сэр Ричард, Верховный Маг?

Я ответил со скукой:

– Нет, конечно. Но если вам так удобнее, то считайте меня и Верховным Магом. Садитесь.

Герцог проворчал:

– Может быть, все-таки сядете, дорогой барон?

Эльрих поспешно опустился, красиво вскинул полы роскошного камзола, словно перья диковинной птицы. Взгляд его был устремлен на меня, даже когда ложечкой нащупывал пирожное.

– Маркиз, уж простите, этот титул просто навяз на языке, но что собираетесь делать дальше?

Я отправил порцию пирожного в рот, посмаковал, запил настоем из трав, а потом схватился и сделал чашку кофе. Все смотрели с напряженными лицами, я создал еще три и раздал всем.

– Простите, очень уж люблю этот напиток...

– Питье магов? – спросил герцог.

– Великих Магов, – ответил я. – А не каких-то там Верховных.

Эльрих вздрогнул и подобрался. По его взгляду я понял, что Верховные отныне в его классификации где-то на уровне подошвы неведомых Великих Магов. А я, сэр Ричард, как раз из них самых.

Герцог осторожно прихлебывал кофе, по его виду я чувствовал, как прислушивается к ощущениям, лицо порозовело еще больше, а глаза довольно заблестели.

Макиннот пил кофе с таким видом, словно ему каждое утро подают на завтрак целыми кувшинами. Эльрих некоторое время осторожничал, но между глотками поинтересовался:

– Сэр Ричард... с вашей-то мощью... что предпримете?

Я отставил чашку, долго думал и наполнил ее снова. Все зачарованно смотрели, как поднимается темный горячий напиток, заполнивший чудесным ароматом всю комнату.

– Пора завязывать с ерундой, – ответил я со вздохом, – пора возвращаться и заниматься делом.

Все молчали, озадаченные, Эльрих сказал еще осторожнее:

– Не буду интересоваться, куда это возвращаться, а то вдруг такое услышу, что ночами спать не буду... А что такое завязывать с ерундой, даже страшусь подумать. Но с вашей мощью вам достаточно только обронить слово, чтобы все поменять.

– А что? – спросил я. – Что надо менять? И что изменится?

Они снова молчали долго, стараясь вникнуть в смысл слов. Эльрих заговорил предельно осторожно:

– Возможно, ничего не изменится, вы правы, если смотреть с вашей недостижимой высоты Верховного... простите, Великого Мага. Но для жителей видна разница между королем Хенрихом и королем Ганелоном. Скажу сразу, в королевстве исчезает беспечность жизни, слишком много бесчинств творят король и его окружение. Ни одна девушка, ни одна женщина не может чувствовать себя в безопасности, выходя на улицу! Более того, за любой могут явиться в дом и увести ее на потеху королевским любимцам. При всей терпимости и снисходительности к свободе нравов это просто недопустимо.

Я ощутил холодок в груди.

– А... леди Элизабет?

Герцог проворчал:

– Ей пока что служит защитой мое имя. Но три дня тому вокруг дома появилась охрана, которую я не запрашивал. Мне это очень не нравится.

– Кому понравится, – буркнул Макиннот.

Барон Эльрих ответил ему тоскующим взглядом и беспомощно развел руками.

Я фыркнул:

– А гессенцам взяться за оружие слабо?... Ладно, я понял. Это ж не флирт! Но если хотите перемен, если такое бесчинство вас уже не устраивает, тогда герцогу придется принять корону и горностаевую мантию. Он и по старшинству легитимнее, и в народе популярнее.

Макиннот обронил вполголоса, но с важной твердостью:

– Не говоря уже о том, что сэр Ричард к нашему благородному и щедрому хозяину относится теплее.

Эльрих ответил поспешно:

– Да-да, вы правы, сэр Макиннон. В нашей ситуации это очень важно.

Наши взгляды обратились к герцогу. Он был хмур, но наклонил голову с достоинством.

– Я все понимаю. Хенрих мог быть лучше меня, как король, но я буду все-таки лучшим королем, чем Ганелон. Хотя и не люблю... трудиться. И потому очень хорошо понимаю сэра Ричарда.

Макиннон и Эльрих переглянулись, недопоняв, а я не стал ждать, пока врубятся в не такой уж и скрытый смысл, сказал с нажимом:

– Все, собираемся!.. Едем во дворец.

Герцог спросил опасливо:

– Как, сейчас?.. А не нужно ли как-то подготовиться, что-то предварить...

Эльрих тоже смотрел напряженно и с застывшим лицом, только Макиннон крутил ус и поглядывал орлом, но помалкивал, стараясь, чтобы это выглядело загадочно.

– Надо сразу, – заверил я. – Дворцовые перевороты делаются только так. Уж я-то знаю в них толк! Вперед, преображенцы! Сместим узурпатора! Золотой табакеркой в рыло... Или по башке, детали важны только историкам.

Эльрих повернулся к герцогу:

– Сэр, вы решаетесь?

Я буркнул:

– Куда он денется. Взрослый вроде.

Герцог проворчал:

– Да, сэр Ричард, у меня нет вашей отговорки.

Он поднялся из кресла легко, а тяжесть в голове и во взгляде, это предчувствие бремени, которое возложит на себя этой ночью. Слуги принесли одежду на выход, мы терпеливо ждали, пока оденут и обуют, подготовят лучший из париков.

Макиннон поглядывал на меня с ожиданием, будто я прямо щас стану объяснять, что у меня за особые такие отговорки. Эльрих кивнул на мирно посапывающего Эйсейбио.

– Его привязанность к вам достойна похвалы... но пользы от него, думаю, было немного. Разбудим или пусть спит?

– Пусть отдыхает, – сказал герцог. – Он двое суток без сна. Мне в самом деле было плохо. Почему-то кажется, с Хенрихом было подобное...

Барон кивнул, во взгляде ничего не изменилось. Похоже, давно догадывался, что за болезнь у герцога и откуда она взялась, только изменить ничего не мог.

Макиннон удивленно покачал головой и пощупал рукоять меча. Слуги поддерживали герцога под руки, но он отстранил их. Через все залы провожал нас молчаливый и торжественный церемониймейстер.

Эльрих приблизился ко мне и сказал тихонько:

– Сэр Ричард, раз уж вы снисходите до общения с нами, простыми смертными... можно задать вопрос?

– Нет, – буркнул я. Посмотрел на его испуганное лицо, поморщился и сказал нехотя: – Барон, не прикидывайтесь. Вы прекрасно понимаете, что передо мной выказывать священный трепет необязательно. Что вы хотели провякать?

Он вздохнул:

– Не обязательно, сэр Ричард, но желательно. Так безопаснее. В ваших руках такая мощь, как вы еще не опьянели!.. Сэр Макиннон рассказал вообще ужасные вещи. И про крепость, которую... ага... Но я вот думаю, а надо ли было ее вот так?

– Надо, – ответил я твердо. – Весь мир насилия мы разрушим!

– Ну а потом? – спросил Эльрих.

Я огрызнулся:

– Дорогой барон, я пока умею только рушить!.. Я вот иду и рушу, иду и рушу... Строить еще не научился. Строить – не ломать, мозги надо повернуть иначе.

Макиннон услышал, сказал с восторгом:

– Рушить – так здорово! А строить скучно. Пусть ремесленники строят.

– А географию извозчики учат, – согласился я. – Не дворянское это дело... Но, что делать, строят здесь хуже некуда, так что придется и строительство взять в свои загребушие нежные лапы. Чтобы хрястнул хребет Европы, когда начнем рабынь ретивых... М-да. Где наши кони?

Испуганные сонные слуги помчались, как мыши, к конюшне. Началась суматоха, тревожная и радостная, все увидели герцога живым и здоровым, это немало для спокойствия людей, чья жизнь и благополучие зависят от хозяина.

Наконец для охраны вывели коней, герцогу подали карету. Из казармы выбегали разодетые гвардейцы и прыгали в седла, приученно выстраиваясь в эскорт: четверо впереди, четверо позади коляски.

Глава 11

Мы плотным отрядом с грохотом неслись через ночь, стальные подковы со звоном высекали длинные серебристые искры из булыжной мостовой и гасли в темноте.

Город, что и в полночь всегда был ярко освещен и полон гуляющей публики, сейчас странно пуст, торговые лавки закрыты, а с перекрестков исчезли музыканты и бродящие актеры.

Впереди при выезде на главную площадь на середину улицы медленно и важно вышел, раздуваясь от собственной значимости, дородный офицер при огромном животе, за ним пятеро солдат с алебардами.

Я злобно оскалил зубы и направил на них коня. Лунный свет упал на мое лицо, офицер с визгом отскочил к стене и упал на колени. Солдат как ветром сдуло, по булыжникам загремели брошенные алебарды.

Макинنون крикнул задорно:

– Чуют, крысы!

– Плохо, – бросил Эльрих.

– Хорошо, – возразил Макинنون. Оглянулся на меня за поддержкой: – Сэр Ричард?

– Посмотрим, – дипломатично ответил я и подумал с тревогой, что это со мной: постарел или наконец-то умнею? Говорят, осторожность приходит с мудростью. Или к тем, кого много бьют.

Городская стража и дальше исчезала, как дым на ветру, едва там понимали, кто именно с грохотом скачет по вымощенной булыжником главной улице. Редкие горожане, завидев нас, поспешно отпрыгивали в тень. Воины с нашивками королевской стражи прятались еще поспешнее.

Не только больше не зрят черную гору с крепостью на вершине, подумал я злорадно, но и знают, кто ее снес, как курочка ряба деду яичко.

На той стороне площади вырос и начал приближаться королевский дворец, освещенный изнутри так, словно там вовсю полыхает пожар. Стражники при нашем приближении торопливо распахнули ворота во двор и тут же разбежались, бросая оружие.

Мы с грохотом пронеслись по тщательно вымощенным дорожкам. Я оглянулся, карета с герцогом благополучно миновала ворота. Его охрана скачет с оголенными мечами в руках и бросает по сторонам зверские взгляды. Знают или чувствуют, что везут человека, который свет утреннего солнца встретит королем.

Возле массивных ворот королевского дворца стражники тряслись, не смея покинуть пост, тянулись и тарасили глаза. Офицер то и дело отдавал нам честь, глаза преданно-затравленные, взгляд ополоумевший.

Я сказал резко:

– Эй ты!.. Бери своих людей и перекрой все выходы из дворца!.. Я не хочу рушить здание вместе с людьми, понял? Но если кто-то выскользнет – придется. А тебя скормлю демонам.

Он выкрикнул, срывая голос:

– Все будет сделано! Разрешите выполнять?

– Выполняй, – разрешил я.

Он понесся к дворцу, даже ничего не сказав своим солдатам, но они уже бежали, обгоняя своего командира. Словом, вполне слаженная команда.

Из коляски выбрался с кряхтением герцог. Лицо за время недолгой поездки налилось жизнью, глаза блестят, как у орла, завидевшего богатую добычу.

– Вот что значит, – сказал он уважительно, – опыт в переворотках. Учитесь, барон.

Эльрих крикнул, но смолчал, а Макиннон приосанился, словно это он провел сотни дворцовых переворотов и уже потерял им счет.

– Пошли, – пригласил я. – Думаю, король ждет нас с нетерпением.

– Еще каким, – подтвердил Макиннон лицемерно.

Эльрих вздохнул.

– Это очень коварный человек, – предостерег он. – Коварный и мстительный. Не поворачивайтесь к нему спиной!

На главном входе в беспорядке на полу брошенные копья дворцовой стражи, в холле удаляющийся крик, топот ног. Еще дважды мы переступали через оставленное оружие и даже украшенные королевскими эмблемами шлемы с пышными султанами.

В залах пусто, но не продохнуть от приторного аромата женских притираний. Мы двигались достаточно решительно и догнали убегающую толпу, что ломилась в боковые двери.

Я нарочито придержал шаг, придворные моментально рассосались, словно просочились сквозь стены.

Макиннон сказал утешающе:

– Далеко не убегут. Сэр Минорд по вашему указанию перекрыл все входы и выходы. А мы потом всех переберем! Я им все припомню...

Перед дверьми в королевские покои справа и слева на полу блестят позолоченные церемониальные алебарды. Я вспомнил, с каким великолепным пренебрежением к любому стража скрещивала сверкающие лезвия перед непрошенными гостями. Как быстро меняется погода...

В сторонке все еще покачивается сброшенный шлем с пышным султаном. Макиннон не утерпел и сильным пинком отправил его в дальний угол.

Эльрих в нерешительности остановился перед дверью. Герцог тоже заколебался, и тогда я показал, как заходят настоящие мужчины.

Створки двери от могучего пинка распахнулись, как крылья бабочки, ударились там о стены и затрепетали с трусливым дребезжанием.

Я вошел с каменной мордой и выпяченным подбородком, шаги тяжелые и решительные, во взоре непреклонность и ясно читаемое: ну-ну, возрази мне кто, возрази!.. Давно никого в бараний рог не гнул, руки исчезались.

Король Ганелон на том же троне, за его спиной трое телохранителей, справа в полупоклоне застыл трепещущий советник, непонятно кого из нас больше страшится.

– Не спится? – спросил я почти ласково. – Ночь на дворе!.. Никак военный совет?

Советник проблеял пугливо:

– Нет-нет, никак нет...

Я посмотрел на Ганелона и сказал еще миролюбивее:

– Ну вот я и вернулся, Ваше Величество... У вас есть что сказать в свое оправдание?

Он смотрел на меня, как затравленный зверек. Лицо его, уже бледное, стало синим, как у дохлой ощипанной курицы. Под моим взглядом он медленно поднялся, как кролик перед огромной коброй, но спина осталась согнутой.

– Я... я... король...

– Уже нет, – сказал я без всякой злости. – Слезай оттуда. Ты смещен. А сейчас решим насчет твоей судьбы.

– Предлагаю повесить, – бухнул Макиннон бесстрашно. Посмотрел на меня и поспешно поправился: – Но можно и просто удавить. Хоть здесь, хоть в подвале.

Ганелон поспешно отступил от трона на несколько шагов. Эльрих, без нужды поддерживая герцога, провел его к освободившемуся креслу. Герцог опустился на трон без охоты, даже с выражением гадливости. Я подумал, что сиденье не остыло от задницы младшего братца, а то и запашок остался, а герцог все-таки чистюля. С другой стороны, надо ковать железо, пока

горячо, все неловкости этого дня спишутся на импровизированность действий, решительность и натиск.

Телохранители Ганелона остались за тронем, как и стояли. Вид у них таков, что охраняют Людвига, хотя, думаю, Эльрих сменит их всех, а советник то смотрел умоляюще на Ганелона, то искоса поглядывал в нашу сторону.

Я отвесил поклон герцогу.

– Ваше Величество, я, маркиз Ричард Длинные Руки, кланяюсь вам от всего маркизата Черро.

Телохранители поняли ситуацию раньше Ганелона, вытянулись и стукнули тупыми концами копий в пол, глядя на меня преданно и в ожидании указаний.

Людвиг поморщился, не любит показухи, тоже мне король, а Эльрих приказал советнику жестким голосом:

– Быстро сюда королевскую корону! И знаки власти.

Тот исчез, Людвиг сказал усталым голосом:

– Ганелон, никто тебя не повесит и не удавит, это я тебе обещаю. Во всяком случае, я не позволю. Разумеется, насколько смогу. Но ты должен понять, отныне ты не только потерял королевскую власть, но и стал нежеланным человеком в королевстве.

Ганелон вперил в него яростный взгляд, раскрыл было рот, но с несвойственной ему жесткостью в голосе заговорил Эльрих:

– Сэр Ганелон, вам надлежит в течение суток покинуть королевство Гессен. Если останетесь, а также позже тайно или явно попытаетесь проникнуть на земли королевства, вы будете преданы смерти там же, на месте.

– Без добавочного суда и следствия, – уточнил Макиннон.

– Совершенно верно, – подтвердил я.

Телохранители, повинаясь моему взгляду, подхватили свергнутого короля под руки и потащили из зала. Едва за ними захлопнулись двери, примчался советник с короной в дрожащих руках и горностаевой мантией.

Эльрих выхватил корону, бережно водрузил на Людвига, а мантию набросил ему на плечи. Людвиг все еще вздыхал и морщился, словно не желает участвовать в этом спектакле, но приходится. На меня бросил злой и хуже того – укоризненный взгляд.

– Надо, Ваше Величество, – сказал я со вздохом. – На меня не указывайте, я тоже бросаю ломать и начинаю строить. Ну, как смогу... Уже скоро. В самом деле, скоро. Вот доломаю по мелочи, и сразу... да. Вперед и с песней! Я уже почти готов.

Он вздохнул.

– Вы да, готовы. Сэр Ричард, я плохо представляю, какой из вас строитель. И что за чудовище постройте!

– Почему обязательно чудовище? – запротестовал я.

Он пожал плечами:

– У вас слишком много силы.

– Это плохо?

– Смотря для чего, – буркнул он.

– Ну... строить, понятно.

– Строить... Вы где собираетесь строить? В маркизате?

В воздухе повисло напряжение, Эльрих застыл и чуть сгорбил, Макконнан смотрел на меня с ожиданием в глазах.

Я ответил медленно, подбирая слова:

– И в маркизате тоже... Ваше Величество, мои планы обширны. Даже чересчур обширны. Меня самого они пугают и временами ввергают, да. Насчет маркизата хочу сразу расставить точки над i. Ваш младший брат от недостатка опыта закусил удила и понесся по рывтинам

вседозволенности монарха. Не знаю, как насчет хитрости и коварства, но мудрости ему не доставало, это ясно. Надеюсь, его взгляды на лишение привилегий маркизату для вас абсолютно неприемлемы?

Людвиг смотрел на меня исподлобья, взгляд стал недобрым. Я чувствовал, как ему оскорбительно ощущать себя прижатым к стене, но и сам не сводил с него испытующего взгляда.

Эльрих сказал торопливо:

– Сэр Ричард, я уверен, что привилегии маркизату Его Величество Людвиг сохранит и упрочит.

Я ответил хмуро:

– Я могу отлучиться надолго и... далеко. Так что не всегда смогу проследить, как здесь и что. Потому хочу быть абсолютно уверенным. Ваше Величество, предыдущий король что-то там такое возжелал насчет изменений в маркизате, привилегиях, пожаловании титулов графам и баронам... В связи с этим странным желанием я хотел бы смиренно уточнить, какие именно привилегии вы желаете добавить маркизату?

Осунувшийся и расстроенный, Людвиг слабо махнул рукой:

– Хватит, сэр Ричард. Вы сами знаете, что можете делать, что хотите. Хотя здесь, хоть в маркизате.

– Я хочу законности, – возразил я, – и легализации. Спасибо, Ваше Величество. Я так и думал, что поручите мне самому решить, какими именно привилегиями стоит воспользоваться маркизату, а какие для него будут излишними. Благодарю за понимание.

Макиннон тихонько кашлянул. Я оглянулся, мой соратник выглядит малость смущенным. Не успел я раскрыть рот, как все схватывающий на лету Эльрих сказал с подъемом:

– Кстати, я полагаю, сегодняшний победный день стоит отметить еще и учреждением какой-нибудь высокой награды! И первым наградить ею сэра Макиннона.

Макиннон покраснел от удовольствия, но возразил:

– Почему меня? Лучше сэра Ричарда.

Эльрих взглянул на короля Людвига, на меня и сказал решительно:

– Нет.

– Почему? – спросил Макиннон.

– Сэр Ричард выше всяких наград, – объяснил Эльрих со вздохом. – А вот вам высший орден не помешает... Да-да, я понимаю, к ордену нужно что-то посущественнее, не так ли?

– Графства хватит, – сказал Макиннон быстро. – Конечно, богатого и с хорошими землями.

Людвиг поморщился:

– Все графства кому-то принадлежат. И передаются по наследству.

Макиннон сказал твердо:

– Я не покушаюсь на земли верных королю Хенриху! Да и королю Людвигу не покушусь. Но я знаю немало очень могущественных людей, что сразу же присягнули Ганелону, только бы оказаться в числе самых близких к трону. Такое гнуснейшее вероломство должно быть наказано!

Я ощутил, что все повернули головы в мою сторону.

– Любое вероломство должно быть наказано, – согласился я. – Макиннон прав.

Эльрих сказал быстро:

– Я подыщу среди слишком уж лояльных Ганелону... самых усердных.

– Да, – сказал я, – обязательно.

Людвиг морщился, я сам понимал, что нещадно пользуюсь своей репутацией всемогущего мага, но что делать, мир не идеален, а я буду идиотом, если стану играть по правилам там, где все другие бьют в спину и ниже пояса.

– Обязательно, – повторил я уже тверже. – Мои соратники должны быть вознаграждены достойно.

Эльрих сказал быстро:

– Мы это понимаем, сэр Ричард!

– Все будет сделано, – подтвердил с Людвиг со вздохом. – Король волен отбирать как земли, так и титулы. А также жаловать ими новых людей.

Я чувствовал, что прежняя теплота потеряна, слишком уж я нажал, хотя все то же самое можно было получить и более деликатными методами. Некоторые само собой разумеющиеся вещи не стоит называть вслух, а я слишком уж явно выказал свой неумолимый диктат. Герцог Людвиг, а теперь король, человек достаточно самолюбивый, может отказаться даже от короны. Нет, не откажется, понимает, что трон нужно занять именно ему, иначе начнется кровавая драка между кланами.

Я поклонился Людвигу.

– Ваше Величество, я абсолютно не посягаю на вашу суверенную власть в Гессене. И еще хочу заверить, что в моем лице вы имеете верного друга. Я никогда не забуду, как вы дали мне приют в своем доме... Сэр Эльрих, вас можно?

Эльрих подпрыгнул.

– К вашим услугам, сэр Ричард! Или предпочитаете какой-нибудь другой титул, чем маркиз?

– Земных благ мне достаточно, – сказал я благочестиво. – А другими благами распоряжаются совсем не короли или императоры.

Он спросил испуганно:

– А кто?

Я вскинул взгляд, но на своде никаких летающих ангелов, а только магические светильники.

– Иные, сэр Эльрих... Проводите меня малость.

Я поклонился еще раз Людвигу, кивнул Маккинону, и мы отправились через зал к выходу.

– Я уйду надолго, – сообщил я, – а вам еще раз напоминаю, вам и королю, что маркизат – отдельное образование. Когда был жив король Хенрих, маркизат оставался в составе королевства Гессен. Сейчас мне почему-то кажется, что стоит отделиться... Хотя еще не уверен. Впрочем, все равно вашим людям в маркизате лучше не показываться. Иначе, вы понимаете... понимаете, да?

Он кивнул, бледный и очень серьезный.

– Да, сэр Ричард.

– Вот и хорошо, – сказал я почти ласково. – Помните, я ушлепал в маркизат и жил там, как зайчик в норке, пока туда не пришел за мной Верховный Маг. Кончилось тем, что я сам пришел за ним. Не заставляйте, чтобы ситуация повторилась с вашим королевством. В смысле, с вами лично, если вам надо, чтобы я указал пальцем.

Он прошептал, уже не белый, а фиолетовый:

– Нет-нет!.. Ни один человек не сойдет в маркизате с багера!

– Кроме тех, – уточнил я, – кого я изволю видеть.

Он сказал торопливо:

– Сэр Ричард, но как дальше?... Если вы уедете, королевство останется без Верховного Мага!.. Здесь такое начнется!

– Я не уеду навсегда, – напомнил я. – И не уеду... далеко. Сделаем проще. Так и скажите всем, королевство во власти жуткого и кровожадного мага, что уничтожил предшественника с крайней жестокостью. Но сам не возжелал возводить новое здание и сидеть там, аки гриб. Бродит неузнанным среди людей, заходит в дома и слушает разговоры... Молодой еще, любо-

пытный. Словом, этот маг еще сильнее, как вы все понимаете, намного сильнее. Так что при таком раскладе кто посмеет выступить против мага или против вашей власти, которую поддерживает и защищает такое чудовище?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.